

Денис Гречко

**Классическая Скифия:
начало (последние десятилетия VI – первая четверть V в. до н.э.)**

Keywords: the Scythians, periodization, chronology, North Black Sea region.

Cuvinte cheie: sciți, periodizare, cronologie, țărmul de nord al Mării Negre.

Ключевые слова: скифы, периодизация, хронология, Северное Причерноморье.

Denis Grechko

Classical Scythia: the beginning

In the article is examined the complexes of the last quarter of the 6th – beginning of the 5th centuries BC from the South-Eastern of Europe. The funeral ceremony of the population of the Northern Black Sea region at this time associated with more ancient traditions only in the Forest-Steppe area. At this time there area appears sufficiently representative group of entrance burials in the Steppe, which is not connected with traditions of transitional period (second-third quarters of the 6th century BC). The funeral ceremony of these heterogeneous groups of the population evidences their forming on the partly local basis under the influence of migration of new nomadic tribes predominantly from the Northern Caucasus and more Eastern regions. The qualitative changes of the funeral traditions and forming of the whole of it complex will be linked with the transition to the second stage of the migration. We have some basis to suppose that formation of the Classical Scythia actively passed in the last quarter of the 6th – the beginning of the 5th centuries BC and it was associated with the migration of new group of nomads (Scythians) from the Pre-Caucasus area. This period was finished with the conquest of the Forest-Steppe population, establishing of the tributary relations with ancient Greeks and creation of the “Great” Scythia at the end of the first quarter of the 5th century BC.

Denis Grechko

Sciția clasică: începutul (ultimele decenii ale sec. VI – primul sfert al sec. V î.e.n.)

În articol sunt analizate complexele din ultimul sfert al sec. VI – începutul sec. V î.e.n. din sudul Europei de Est. Ritualul funerar al populației nord-pontice din această perioadă doar în zona silvostepii este legat de tradițiile mai vechi. În regiunea de stepă atunci apare o grupă destul de reprezentativă de înmormântări secundare, care nu are tangențe cu tradițiile perioadei de trecere (sferturile doi-trei ale sec. VI î.e.n.). Ritualul funerar al acestor grupuri de populație neomogenă dovedește formarea lor pe bază locală, parțial, și sub influența migrației altor nomazi, veniți prioritar din zona Caucazului de Nord și din regiuni mai estice. Schimbările calitative ale tradițiilor funerare și formarea întregului complex al acestora vor fi legate de trecerea la etapa a doua. Sunt motive pentru a considera, că consolidarea Sciției clasice s-a petrecut activ în ultimul sfert al sec. VI – începutul sec. V î.e.n. în legătură cu venirea unui nou grup de nomazi (sciți) din regiunea precaucaziană. Această perioadă se încheie prin cucerirea populației din silvostepă și instalarea unor relații tributare cu elinii, prin crearea așa-numitei Sciții Mari la sfârșitul primului sfert al sec. V î.e.n.

Денис Гречко

Классическая Скифия: начало (последние десятилетия VI – первая четверть V в. до н.э.)

В статье рассматриваются комплексы последней четверти VI – начала V вв. до н.э. юга Восточной Европы. Погребальный обряд населения Северного Причерноморья данного периода лишь в Лесостепи связан с более древними традициями. В Степи в это время появляется достаточно представительная группа впускных захоронений, которая не связана с традициями переходного периода (вторая-третья четверти VI в. до н.э.). Погребальный обряд данных не однородных групп населения говорит об их формировании на частично местной основе под влиянием переселения новых народов преимущественно из районов Северного Кавказа и более восточных регионов. Качественные изменения погребальных традиций и сложение всего их комплекса будет связано с переходом ко второй стадии. Есть основания полагать, что становление Классической Скифии активно проходило в последней четверти VI – начале V вв. до н.э. в связи с перекочевкой новой группы кочевников (скифов) из Предкавказья. Данный период завершается покорением лесостепного населения и установлением даннических отношений с эллинами и созданием т.н. Великой Скифии в конце первой четверти V в. до н.э.

Изучение основных этапов истории Скифии и культуры ее населения на протяжении VII–IV вв. до н.э. является постоянно актуаль-

ным вопросом в скифологии. Накопление источниковой базы позволяет детализировать события и процессы, которые имели место в

переходные периоды, и имели определяющее значение для определенных этапов скифской истории. При этом постоянно происходило взаимодействие автохтонного на определенном этапе населения Северного Причерноморья с мигрантами. Долгое время, начиная с М.И. Ростовцева [Rostovtsev 1925, 309], предполагалось поступательное развитие скифского объединения, которое начиналось с их прихода с востока, властвования в Передней Азии, дальнейшего перемещения центра Скифии в Северное Причерноморье, и завершалось сарматским вторжением [Alekseev 2003, 15]. В начале 90-х годов прошлого века появились первые реконструкции истории населения юга Восточной Европы скифского времени, в которых предполагалось выделение двух Скифий – Древней (Архаической) и Геродотовой (Классической), которые были различны в этническом отношении и сменяли одна другую [Alekseev 2003]. Ю.А. Виноградов и К.К. Марченко также отмечают, хотя и не так четко как А.Ю. Алексеев, влияние миграции нового населения в регион в конце VI – начале V в. до н.э. [Vinogradov, Marchenko 1990, 149-150]. На сегодня нет единого исследовательского подхода к периодизации Европейской Скифии. К концу VI – V в. до н.э. В.Ю. Мурзин относит завершение формирования северопричерноморской Скифии с центром в Нижнем Поднепровье и Степном Крыму в результате перемещения основной массы скифов из более восточных регионов (в первую очередь, Северного Кавказа) [Murzin 1984, 102-104]. Третью, северопричерноморскую волну скифских вторжений С.А. Скорый датирует V в. до н.э. [Skoryi 2003, 89].

Последними десятилетиями VI – первой четвертью V в. до н.э. А.Ю. Алексеев датирует пятый период скифской истории, который характеризуется сменой культурного комплекса¹ на Северном Кавказе и Причерноморье, связанной, вероятно, с появлением новой группы кочевников (предположительно скифов, вытесненных массагетами). Данное событие, возможно, описано у Геродота [IV, 10] и у Диодора [Diod., II, 43]. В данный период происходит заселение кочевниками Южного Приуралья, Поволжья и других регионов [Alekseev 2003, 27]. В начале V в. до н.э. часть скифов проникает на Балканы

1. Материальной культуры среднескифского времени (далее – ССК).

[Herod. VI, 40, 84]. Различные подходы при анализе памятников среднескифского времени проанализированы А.Ю. Алексеевым, что лишает меня необходимости возвращаться к этой историографической теме [Alekseev 2003 195-196].

Данная работа является продолжением серии статей, в которых ранее были затронуты вопросы развития материальной культуры и этнокультурных процессов на юге Восточной Европы с конца VIII по третью четверть VI вв. до н.э., т.е. с предскифского времени по конец переходного периода [Grechko 2012; 2013; 2016]. Ниже основное внимание будет уделено древнейшим комплексам ССК (последние два десятилетия VI – первые два десятилетия V вв. до н.э.).

Памятники указанного периода представляют первую группу захоронений Классической Скифии по А.Ю. Алексееву. Данное время, по мнению исследователя, является рубежом, разделяющим две Скифии, когда происходит распространение нового вещевого комплекса. Данная группа, как отмечает исследователь, самая сложная для интерпретации [Alekseev 2003, 196–202]. Именно в этот период в степном регионе появляется значительное количество погребений, большинство из которых впускные. В данную группу захоронений я буду включать комплексы, которые не образуют могильники и отражают ситуацию близкую к первой (таборной) стадии кочевания по С.А. Плетневой, когда группы кочевников находились на стадии завоевания и освоения новой родины.

А.Ю. Алексеев рассматривает как наиболее поздние в первой группе памятников и древнейшие погребения Аджигольского (1G) и Журовского (№400) могильников [Alekseev 2003, 196–202]. Я данные памятники соотношу со следующим периодом истории скифов в этом регионе, связанным с переходом ко второй стадии кочевания (с 480–470-х гг. до н.э.), которая и характеризуется образованием стационарных могильников вследствие упорядочивания отношений с соседями (подчинение либо установление даннических отношений) и ограничении территории кочевания².

2. Стоит отметить трудность в разделении этих групп погребений, поскольку древнейшие комплексы в могильниках (около 480 –х годов до н.э.) (Перещепино, Журовка, Ковалевка и др.) по составу колчаных наборов неотличимы от захоронений первых десятилетий дан-

Среди комплексов последней четверти VI – первой четверти V вв. до н.э. можно выделить раннюю и позднюю группы захоронений. А.Ю. Алексеев к первой из них относит Дзюбину Могилу и Александровку (последние десятилетия VI в. до н.э.) [Alekseev 2003, 201]. Данные комплексы были выделены, в первую очередь, на основании анализа состава колчаных наборов. На мой взгляд, Александровка все же несколько более поздняя, поскольку в ее инвентаре есть много аналогий с Журовским курганом № 400, который датируется не ранее 480-470 годов до н.э. [Alekseev 2003, 199], а состав колчанного набора существенно отличается от Дзюбиной Могилы³.

Недавно исследованный курган №1/2013 в бельском могильнике Скоробор позволяет уточнить ряд моментов. Протофасосская амфора из данного комплекса датируется двумя последними десятилетиями VI в. до н.э. [Shramko, Zadnikov 2013]. Разнообразный инвентарь позволяет дать привязку некоторым комплексам, которые датировались в рамках всего данного периода. Судя по составу колчанного набора, к синхронным комплексам можно отнести Дзюбину Могилу, Вишневку, Владимировку, Верхнюю Тарасовку и Приднепровку. Набор из Александровки, о чем уже шла речь выше, существенно отличается и говорит, скорее, о начале V в. до н.э.

Интерес вызывают бронзовые уздечные бляшки с изображениями в фас головы хищника из Скоробора [Shramko, Zadnikov 2014, 59, fig. 71,12–13]. Данный комплекс позволяет датировать этим временем подобные бронзовые бляшки и аналогичные изображения на иных изделиях (кляках, в первую очередь)⁴.

Вторая хронологическая группа комплексов может быть датирована первыми двумя десятилетиями V в. до н.э. Среди них выделя-

ного столетия (Золотой курган и др.). Лишь предметы античного импорта помогают уточнять датировку.

3. Так, 69 экземплярами представлены трехлопастные наконечники стрелных пропорций (рис.6, 15), которые будут шире представлены несколько позднее [Kovaleva, Mukhopad 1982, 95, fig. 4,2,e]. В целом, состав набора ближе к Золотому кургану и, скорее, может быть датирован первыми двумя десятилетиями V в. до н.э. [Koltukhov 1999, 16-17].

4. Наиболее поздним подобным изображением можно считать находку золотой аппликации в кургане 402 у с. Журовка [Bobrinskii 1904, 20, fig. 50].

ются Золотой курган [Koltukhov 1999], Острая Томаковская Могила, Александровка и Новокиевка [Murzin 1984]. Данные комплексы непосредственно предшествуют погребениям, которые являются основными в курганах и являются первыми в новых⁵ курганных могильниках дружинного характера в Степи и Лесостепи. В их инвентаре все еще отсутствуют бронзовые бляшки в виде свернувшегося в кольцо хищника, орлиные головки с выделенной восковицей, «головы лося», ромбической формы и в виде розетки, некоторые типы ворворок, которые будут характерны II группе [Alekseev 2003, 203]. Именно с поздней группой комплексов связаны находки мечей с парадными ножнами, которые украшены сканным орнаментом с эмальями⁶. Интересно, что подобные парадные изделия не представлены во II группе и массово появляются лишь в начале позднескифского времени (серия мечей типа Солоха).

Рубеж, разделяющий первую и вторую группу погребений (около 475 г. до н.э.), представляется обоснованным [Alekseev 2003, 199] с некоторым удревнением датировки древнейших памятников второй группы во вторую половину 480-х г. до н.э., на что указывают находки подобных изделий в датированных слоях Пантикапея [Tolstikov 2011, 58].

Погребальный обряд. В данный период можно выделить несколько групп захоронений. Погребения Крыма все были впускными (21 комплекс) и принадлежали мужчинам воинам. Ориентировка стабильная на запад с отклонениями⁷ [Koltukhov 2012, 104, 115; 2012a, 67-68, 86]. Кроме захоронений в ямах, зафиксировано два подбоя [Koltukhov 2012a, 65]. Эта группа наиболее многочисленная. Северо-Западный Крым и район Перекопа выделяются концентрацией комплексов (рис. 1).

Аналогичные крымской группе, единичные комплексы в Низовьях Днепра, Южного Буга также являются впускными. Интересно,

5. В могильниках могут присутствовать курганы раннескифского времени, но они связаны со среднескифскими лишь символически, учитывая более чем столетний разрыв.

6. А.Ю. Алексеев считает данные изделия характерными всей I группе без уточнения [2003, 197].

7. Лишь погребенный к. 12/1 у Красноперекопска был ориентирован на СВ [Koltukhov 2012a, 92].

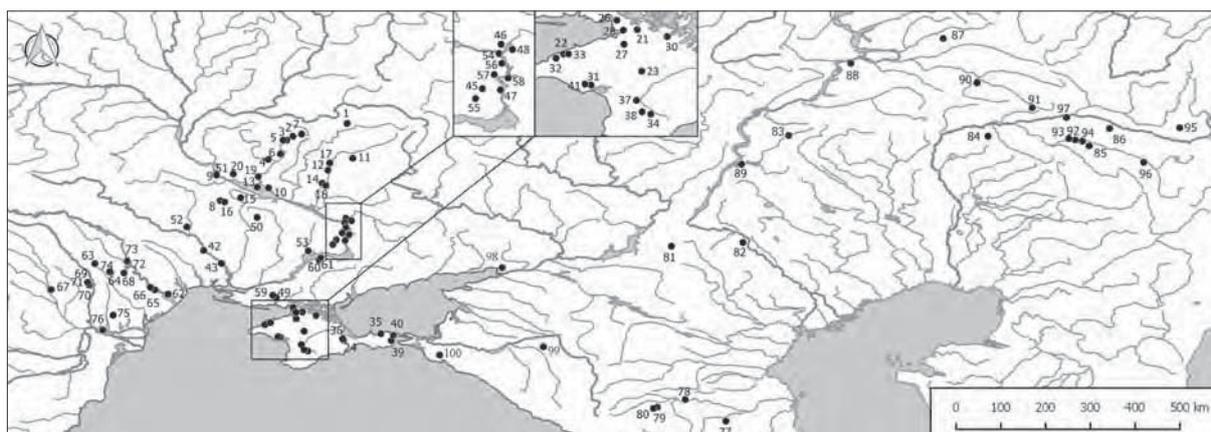

Рис. 1. Комплексы последней четверти VI – первой половины V вв. до н.э. юга Восточной Европы. 1 – Басовка; 2 – Стайкин Верх; 3 – Поповка; 4 – Поставмуки; 5 – Ярмолинцы; 6 – Риги; 7 – Кулешовка; 8 – Макеевка; 9 – Пекари; 10 – Броварки; 11 – Купьеваха; 12 – Олефирщина; 13 – Дзюбина Могила; 14 – Мачухи; 15 – Грушевка; 16 – Пастырское; 17 – Бельск (Скоробор, Перещепино); 18 – Пожарная Балка; 19 – Чутовка; 20 – Подольское; 21 – Вишневка; 22 – Владимировка; 23 – Дальнее; 24 – Надежда; 25 – Котельниково; 26 – Суворово; 27 – Крыловка, Красноперекопского р-на; 28 – Красноперекопск; 29 – Рисовое; 30 – Мартыновка; 31 – Суворовское; 32 – Водопойное; 33 – Далекое-Журавлевка; 34 – Золотой курган; 35 – ур. Стоячий Камень; 36 – Ильичево; 37 – Курганное; 38 – Кулаковского курган; 39 – Нимфей; 40 – Пантикапей; 41 – Колоски; 42 – Бугский; 43 – Ковалевка; 44 – Ольвия, Прибутское; 45 – Верхняя Тарасовка; 46 – Подгородное; 47 – Приднепровка; 48 – Александровка; 49 – Новокиевка; 50 – Медерово; 51 – Подольское; 52 – Владиславка; 53 – Орджоникидзе; 54 – Новослободка; 55 – Острая Томаковская Могила; 56 – Волошское; 57 – Башмачка; 58 – о. Дубовый; 59 – Брилевка; 60 – Великая Знаменка; 61 – Мамай-Гора; 62 – Маяки; 63 – Пыржолтены; 64 – Данчены; 65 – Олонешты; 66 – Новые Раскайцы; 67 – Милешти-де-Сус; 68 – Мерены; 69 – Редиу; 70 – Мынженешты; 71 – Хушь; 72 – Дубоссары; 73 – Коржево; 74 – Суручены; 75 – Кубей; 76 – Чауш; 77 – Гойты; 78 – Павлодольское; 79 – Нартан 1-2; 80 – Нальчик; 81 – Аксеновские могильники; 82 – Кривая Лука; 83 – Лебедевка 2-3; 84 – Кырык-Оба 2; 85 – Илекшар; 86 – Блюменфельд; 87 – Калиновка; 88 – Фриденберг (Мирное); 89 – Бережновка; 90 – Соболевский курган; 91 – Покровка; 92 – Тамар-Уткуль; 93 – Мечетсай; 94 – Пятимары; 95 – Сара; 96 – Сынтас; 97 – Нижнепавловский могильник; 98 – Дутино; 99 – Уляп; 100 – Рассвет.

Fig. 1. Complexes of the last quarter of the 6th – the first half of the 5th centuries BC of the South Eastern Europe. 1 – Basovka; 2 – Staykin Verh; 3 – Popovka; 4 – Postavmuki; 5 – Yarmolintsi; 6 – Rigi; 7 – uleshovka; 8 – Makeevka; 9 – Pekari; 10 – Brovarki; 11 – Kupyevaha; 12 – Olefirschina; 13 – Dzyubina Mogila; 14 – Machuhi; 15 – Grushevka; 16 – Pastyrskoe; 17 – Belsk (Skorobor, Pereschepino); 18 – Pozharnaya Balka; 19 – Chutovka; 20 – Podolskoe; 21 – Vishnevka; 22 – Vladimirovka; 23 – Dalnee; 24 – Nadezhda; 25 – Kotelnikovo; 26 – Suvorovo; 27 – Krylovka, Krasnoperekopskogo r-na; 28 – Krasnoperekopsk; 29 – Risovoe; 30 – Martynovka; 31 – Suvorovskoe; 32 – Vodopoynoe; 33 – Dalekoe-Zhuravlevka; 34 – Zolotoy kurgan; 35 – ur. Stoyachiy Kamen'; 36 – Illichevo; 37 – Kurgannoe; 38 – Kulakovskogo kurgan; 39 – Nymphaion; 40 – Panticapaeum; 41 – Koloski; 42 – Bugskiy; 43 – Kovalevka; 44 – Olbia, Pribugskoe; 45 – Verhnaya Tarasovka; 46 – Podgorodnoe; 47 – Pridneprovka; 48 – Aleksandrovka; 49 – Novokievka; 50 – Mederovo; 51 – Podolskoe; 52 – Vladislavka; 53 – Ordzhonikidze; 54 – Novoslobodka; 55 – Ostraya Tomakovskaya Mogila; 56 – Voloshskoe; 57 – Bashmachka; 58 – o. Dubovyiy; 59 – Brilevka; 60 – Velikaya Znamenka; 61 – Mamay-Gora; 62 – Mayaki; 63 – Pyirzholtenyi; 64 – Danchenyi; 65 – Oloneshtyi; 66 – Novyie Raskaytsy; 67 – Mileshti-de-Sus; 68 – Merenyi; 69 – REDIU; 70 – Myinzheneshtyi; 71 – Hush; 72 – Dubossaryi; 73 – Korzhevo; 74 – Suruchenyi; 75 – Kubey; 76 – Chaush; 77 – Goytyi; 78 – Pavlodolskoe; 79 – Nartan 1-2; 80 – Nalchik; 81 – Aksenovskie mogilniki; 82 – Krivaya Luka; 83 – Lebedevka 2-3; 84 – Kyiryk-Oba 2; 85 – Ilekshar; 86 – Blyumenfeld; 87 – Kalinovka; 88 – Fridenberg (Mirnoe); 89 – Berzhnovka; 90 – Sobolevskiy kurgan; 91 – Pokrovka; 92 – Tamar-Utkul; 93 – Mechetsay; 94 – Pyatimaryi; 95 – Sara; 96 – Syintas; 97 – Nizhnepavlovskiy mogilnik; 98 – Dugino; 99 – Ulyap; 100 – Rassvet.

что наиболее богатые комплексы (Острая Томаковская Могила, Александровка, Золотой курган) также были впускными (рис. 2,4) [Murzin 1984, 106–108]. А.Ю. Алексеев справедливо отмечает, что данная ситуация отражает начальный этап освоения территории [2003, 197].

Рассматриваемая группа впускных захоронений в прямоугольных в плане могилах и

ориентировкой погребенных в западный сектор имеет аналогии в Предкавказье (рис. 5,3,4) [Burkov, Maslov 2007; Prokopenko 2014, 372, 6Б]. В целом данный обряд близок традициям рядового кочевого населения раннескифского времени Северного Причерноморья и Нижнего Подонья [Dubovskaia 1997, 206, ris. 12; Riabkova 2003, 8–9].

На этом фоне выделяется группа основных погребений в районе современного Днепропетровска (Подгороднее, Волошское, Башмачка, Новослободка) (рис. 4) [Murzin 1984, 25–28; Ol'khovskii 1991, 187]. Основной характер погребений может говорить в пользу отнесения данной серии погребений к древнейшим комплексам второй группы погребений по А.Ю. Алексееву (начало второй четверти V в. до н.э.). К сожалению, в этих комплексах не было найдено четких хронологических индикаторов. Интересны близкие аналогии таким комплексам среди более ранних комплексов Предкавказья (рис. 5,1,2) [Prokopenko 2014, 380–381, fig. 9–10].

Сложностью характеризуются этнокультурные процессы в Северо-Западном Причерноморье (рис. 1). Проникновение в данный регион кочевников сопровождалось контактами с местным фракийским населением, что привело к появлению синкретических погребальных комплексов (см. подробнее [Bruiako 2005, 158–164]). И.В. Бруйко выделяет несколько групп погребений периода ССК Бессарабии. Данные комплексы разнообразны и были разделены на три группы. К «воинской» группе указанного времени относятся подкурганные захоронения у сел Суручень и Кубей. «Всадническая» группа захоронений относится к более позднему времени (вторая-третья четверть V в. до н.э., вторая хронологическая группа по А.Ю. Алексееву)⁸. Третья группа представлена подкурганными кремациями в могильных ямах или на уровне древнего горизонта (Коржова, Дубэсарь, Чауш). И.В. Бруйко предполагает определенное влияние на формирование данной группы традиции населения Лесостепи раннескифского и ССК

8. Я также склонен датировать захоронение у Арциза данным временем (середина-третья четверть V в. до н.э.) [Aleksiev 2003, 201].

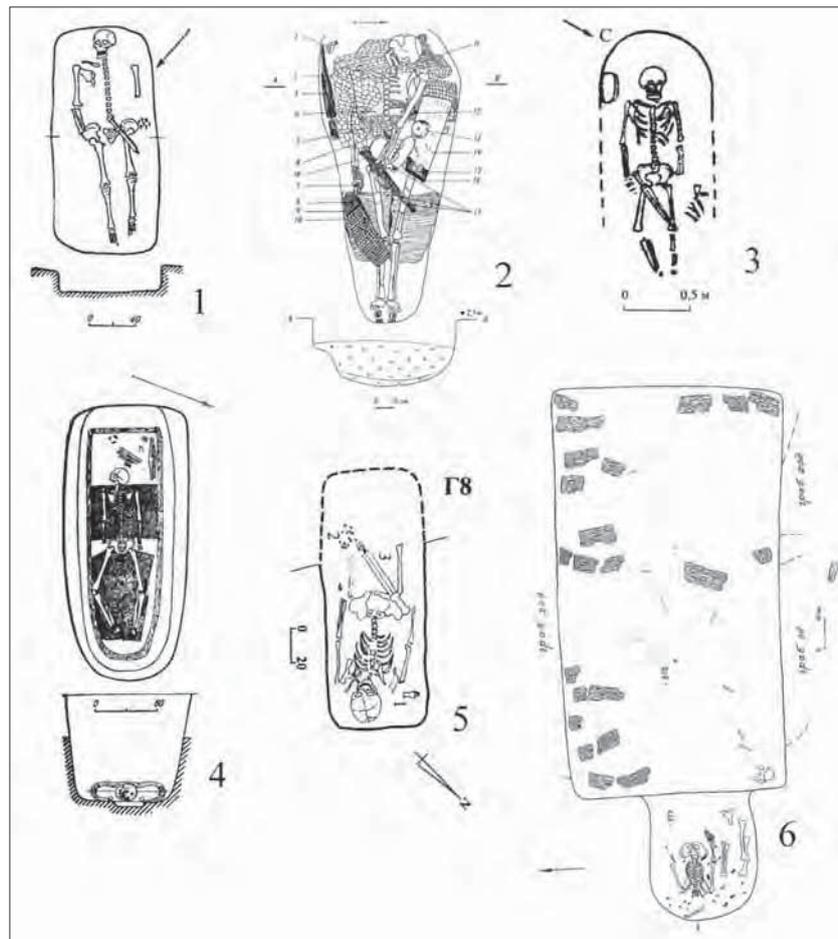

Рис. 2. Погребения последней четверти VI – первой четверти V вв. до н.э. Северного Причерноморья и Крыма. 1 – Верхняя Тарасовка; 2 – Вишневка; 3 – Дальнее 8/1; 4 – Александровка; 5 – Нимфей, погр. Г8; 6 – Подольское, кург. 3 (по: Murzin 1984; Kovaleva, Muhopad 1982; Andruh 1988; Grach 1999; Koltuhov 2012; Grigorev, Bashtovoy 1989).

Fig. 2. Burials of the last quarter of the 6th – the first quarter of the 5th centuries BC. 1 – Verhnyaya Tarasovka; 2 – Vishnevka; 3 – Dalnee 8/1; 4 – Aleksandrovka; 5 – Nymphaion, burial G8; 6 – Podolskoe, burial mound 3 (by Murzin, 1984; Kovaleva, Muhopad 1982; Andruh 1988; Grach 1999; Koltuhov 2012; Grigoryev, Bashtovoy 1989).

периода. Выделяется горизонт Пыржолтень-Дэнчень-Олэнешть (конец VI – конец V в. до н.э.), для памятников которого, свойственен культурный (скифо-фракийский) синкретизм. В Дэнчень⁹ зафиксировано как сочетание подбойных погребений с кремациями и ингумациями, так и смешан-

9. Могильник в Данчанах, который по праву может именоваться раннегетским, в значительной мере заполняет лауну между группой Шолданешты и гетскими памятниками и имеет важное значение в изучении развития фракийской культуры в данный период [Bruiako 2005, 169–170].

ный погребальный инвентарь. Широкому распространению кремации среди более ранних комплексов более восточных регионов нет аналогий, что может говорить о местном, фракийском происхождении обряда. Появление скифов в данном регионе, вероятно, связано с их проникновением на Балканы.

Впервые фиксируется захоронение в дубовой колоде [Kovaleva Mukhopad 1982]. Дважды встречено захоронение на разостланном доспехе (рис. 2,2,4). В раннескифских погребениях восточноевропейской Лесостепи, Северного Кавказа и Прикубанья находки защитного снаряжения не редкость [Riabkova 2010]. К сожалению, большинство комплексов ограблено. Размеры могил раннескифского времени позволяли размещать инвентарь и погребенных достаточно свободно. Захоронения начала ССК незначительны по размерам, что, вероятно, и обусловило положение воина на доспехе и компактное размещение инвентаря. К началу V в. до н.э. относится захоронение в сожженной деревянной гробнице на уровне древнего горизонта у с. Медерово [Vokii 1974].

К интересующему нас периоду относится незначительное количество захоронений *Лесостепи*. От большинства степных комплексов их отличает то, что они были основными и сооружены на территории уже существующих могильников (Купьеваха, Басовка, Skorobor, Олефирщина) [Voiko, Verestnev 2001; Verestnev, Voiko 2005; 1968; Shramko, Zadnikov 2014; Kulatova, Lugovaia, Suprunenko 1993]¹⁰. Абсолютное большинство погребений принадлежало воинам и датируются концом VI – первыми двумя десятилетиями V в. до н.э.

10. Выделяется серия погребений конца VI – первой четверти V в. до н.э. с протофасосскими амфорами третьей серии по С.Ю. Монахову (Риги, Купьеваха, к. 17, 24, Олефирщина, кург. 2 и Надежда в Степи) [Polin 2014, 212, 240].

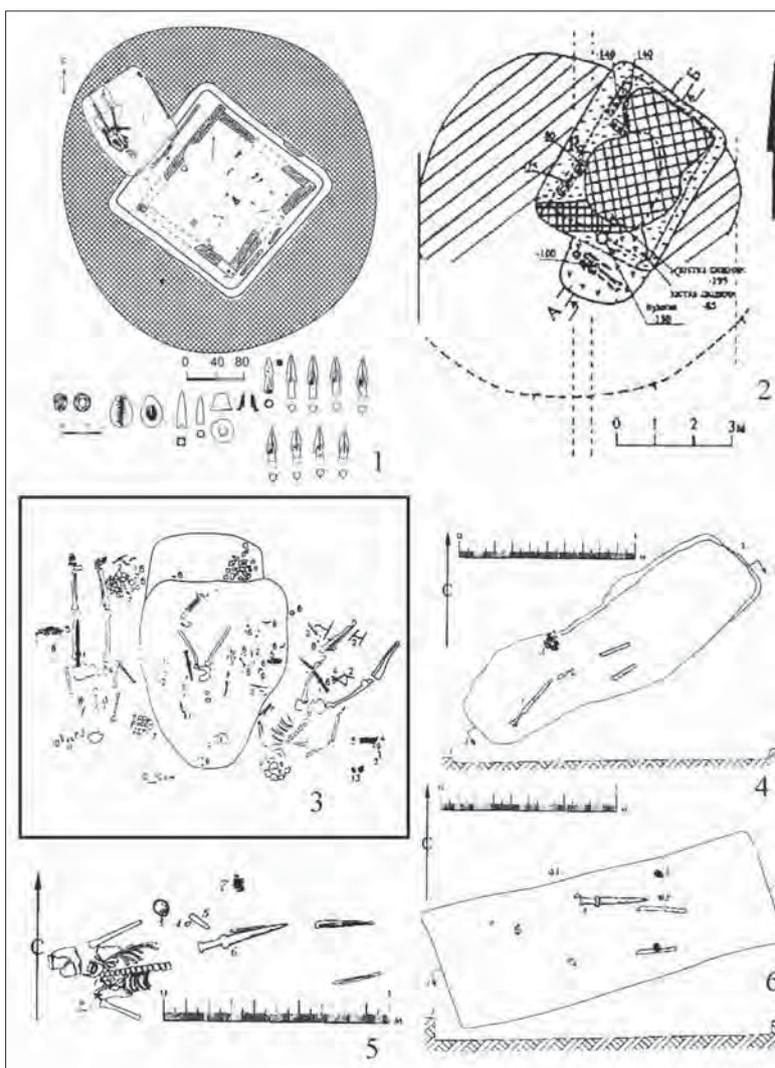

Рис. 3. Комплексы последней четверти VI – первой четверти V вв. до н.э. юга Восточной Европы. 1 – Нартан 2, кург. 6; 2 – Skorobor, кург. 1/2013; 3 – Сынтас 1, кург. 1; 4 – «Дугино X», южный участок раскопа 1, пог. 1; 5 – «Дугино X», южный участок раскопа 1, пог. 26; 6 – «Дугино H», южный участок раскопа 1, пог. 4 (по: Kerefov, Karmov 2009; Shramko, Zadnikov 2014; Kadyirbaev, Kurmankulov 1976; Prokofiev 2015).

Fig. 3. Complexes of the last quarter of the 6th – the first quarter of the 5th centuries BC from the South Eastern Europe. 1 – Nartan 2, burial mound 6; 2 – Skorobor, burial mound 1/2013; 3 – Syintas 1, burial mound 1; 4 – “Dugino H”, south section of dig 1, burial 1; 5 – “Dugino H”, south section of dig 1, burial 26; 6 – “Dugino H”, south section of dig 1, burial 4 (by Kerefov, Karmov 2009; Shramko, Zadnikov 2014; Kadyirbaev, Kurmankulov 1976; Prokofiev 2015).

А.Ю. Алексеев, учитывая данные В.П. Копылова, отмечает отсутствие комплексов первой группы на Нижнем Дону [Корулов 2002, 16; Alekseev 2003, 203]. Однако, опубликованные

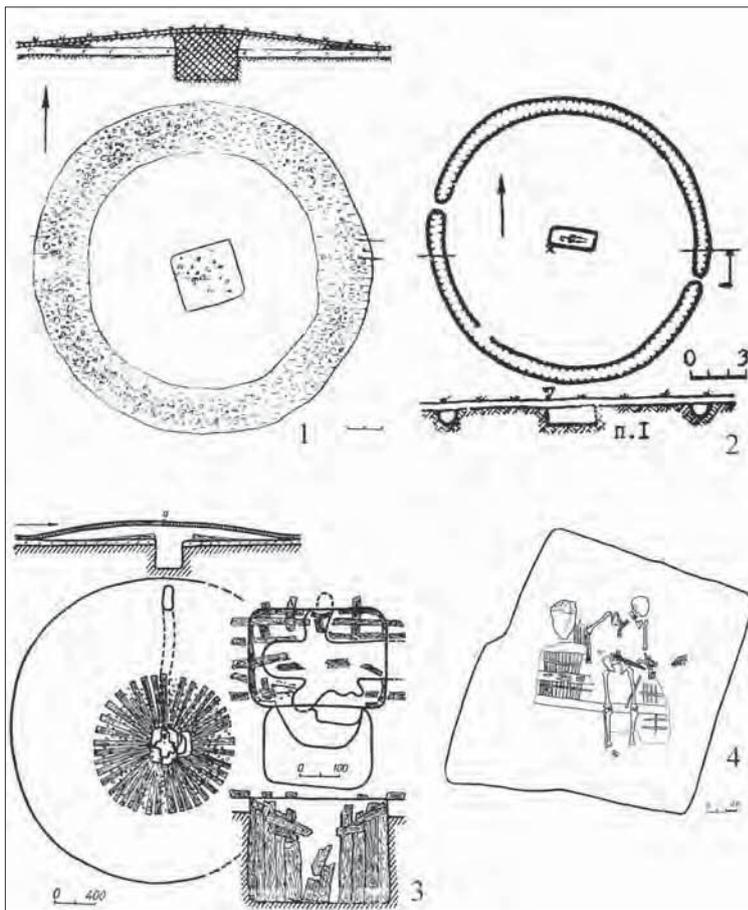

Рис. 4. Погребения последней четверти VI – первой четверти V вв. до н.э. Северного Причерноморья. 1 – Башмачка, 14/1; 2 – Кубей, кург. 2/3; 3 – Подгороднее, кург. 7; 4 – Новокиевка (по: Murzin 1984; Subbotin *in dr.* 1992).

Fig. 4. Burials of the last quarter of the 6th – the first quarter of the 5th centuries BC from the Northern Black Sea region. 1 – Bashmachka, 14/1; 2 – Kubey, burial mound 2/3; 3 – Podgorodnee, burial mound 7; 4 – Novokievka; (by Murzin 1984; Subbotin *etc.* 1992).

недавно захоронения грунтового могильника Крест и Дугино X¹¹ заполняют данную лакуну [Prokof'ev 2014, 79, 171, 197, 203]. Интересно, что данные погребения впущены в дюну в дельте Дона, что аналогично могильнику вблизи устья Сулы у с. Чутовка [Grechko, Sherstiuk, Shcherban 2016]. Данное явление, вероятно, связано с одними и теми же этнокультурными процессами. Данные нижнедонские комплексы возникли до появления Елизаветовского городища и его курганного могильника. Учитывая наличие еще захоронения в Ливенцовке IV [Maksimenko 1983,

11. Погр. 49, погр. 1, 4, 22, 26 Южного участка раскопа 1.

194, *ris.* 10,8], данный регион не уступает по количеству погребений данного времени Северному Причерноморью. Можно предполагать, что не стоит искать истоки погребальной традиции Елизаветовского могильника в Лесостепи [Корюлов 2002, 16], а можно говорить об его образовании при переходе групп населения, которые проникли в Нижнее Подонье в последней четверти VI в. до н.э. с Северного Кавказа и Прикубанья, ко второй стадии кочевания. Аналогичная ситуация наблюдается для всей территории юга Восточной Европы.

Интересно погребение в кургане 1/2013 Скоробора с человеческим дозахоронением, примыкающим к основной могиле (рис. 3) [Shramko, Zadnikov 2014]. Комплекс находит очень близкие аналогии в кург. 6 могильника Нартан-2. Авторы раскопок предполагают также практически одновременное создание комплекса [Kerefov, Karmov 2009, 10–11. 17–18]. Колчаный набор указывает на датировку не позднее конца VI в. до н.э. (рис. 3,1).

Интерес вызывает серия захоронений начала среднескифского времени в зольниках поселения раннескифского времени Пожарная Балка. По мнению В.П. Андриенко, в зольники раннескифского времени были впущены более поздние захоронения [Andrienko 1983, 10].

Под насыпями с погребениями не найдены хозяйственные и жилые сооружения, поэтому нельзя исключать того, что данные курганы были насыпаны из культурного слоя поселения.

Рассмотренные погребения относятся к хронологическому горизонту, который следует за Опишлянкой и Витовой Могилой. Погребения Лесостепи переходного периода и начала ССК практически не отличаются. Выделяется лишь серия погребений, которая имеет параллели на Северном Кавказе (Днепровская группа, Медерово, Скоробор 1/2013). В Степи ситуация иная. Комплексы переходного времени (основные захоронения Шолохово, Великомихайловка и др.)

не находят своего продолжения среди захоронений последней четверти VI – начала V вв. до н.э. В Крыму, в отличие от предшествующего времени, появляется представительная серия захоронений. Можно говорить о приходе новой группы кочевников с территории Северного Кавказа и, возможно, более восточных регионов.

В конце периода, в первой четверти V в. до н.э. (около 480 г. до н.э.) формируются новые могильники дружинного характера, как в Степи (Аджигол и Ковалевка в Побужье, Нимфейские курганы), так и Лесостепи (Журовка, Перещепино¹², Протопоповка, Коротич, Стеблев). Безусловно, что когда уже существовали могильники, во время перекочевки или при других обстоятельствах могли совершаться и впускные погребения. Время появления могильников можно соотнести с завершением военных действий скифов против соседей и переходом ко второй стадии кочевания.

Таким образом, погребальный обряд населения Северного Причерноморья последней четверти VI – начала V вв. до н.э. лишь в Лесостепи связан с более древними традициями. В Степи в это время появляется достаточно представительная группа впускных захоронений, которая не связана с традициями переходного периода (вторая-третья четверти VI в. до н.э.). Погребальный обряд данных не однородных групп населения говорит об их формировании на частично местной основе под влиянием переселения новых кочевников преимущественно из районов Северного Кавказа и более восточных регионов. В данный период в Северном Причерноморье начинается процесс завершения формирования погребальной обрядности населения Классической Скифии V–IV вв. до н.э. Качественные изменения погребальных традиций и сложение всего их комплекса будет связано с переходом ко второй стадии кочевания по С.А. Плетневой в конце первой четверти V в. до н.э.

Материальная культура

Вооружение. *Наконечники стрел.* Рассматриваемая хронологическая группа наконечников стрел следует за комплексами из Опишлянки и Витовой Могилы. Для данных погребений, которые можно датировать око-

ло 530–520 гг. до н.э., характерно уже полное отсутствие раннескифских типов наконечников стрел¹³, что было характерно для наборов переходного периода. Среди стрел все еще встречаются башневидные трехлопастные наконечники с выступающей втулкой и шипом и без нее со срезанными под тупым углом по отношению к втулке гранями. Большое распространение получают трехлопастные наконечники со скрытой втулкой вытянутых пропорций [Grechko 2016, 44–45].

Комплексы начала ССК (ранние комплексы первой хронологической группы по А.Ю. Алексееву) представлены несколькими достаточно репрезентативными комплексами (Дзюбина Могила, Владимировка, Вишневка, Скоробор 1/2013 (рис. 6,1–11), которые можно датировать двумя последними десятилетиями VI в. до н.э. [Alekseev 2003, 201; Shramko 2016]. В данный период начинают доминировать наборы с абсолютным преобладанием базисных трехлопастных (иногда и трехгранных) наконечников стрел нескольких вариантов (рис. 6,5–11), что в целом соответствует традиционным представлениям [Alekseev 2003, 158–159; Bruiako 2005, 239].

В наиболее ранних комплексах данной группы продолжают присутствовать в колчаных наборах двухлопастные наконечники стрел различных модификаций (рис. 6,1–4), появившиеся в переходный период, которые завершают традицию использования подобных стрел.

Трехлопастные наконечники стрел острой формы с короткой выступающей втулкой и шипом уменьшаются в размерах по сравнению с переходным периодом и в небольшом количестве встречаются в наборах последней четверти VI – начала V вв. до н.э. (рис. 6,6,13,15) [Lipavskii, Snytko 1990, 2–5].

Комплексы начала V в. до н.э. (Александровка Золотой Курган) отличаются от более ранних появлением и распространением трехлопастных наконечников стрел стройных пропорций с короткой выступающей втулкой (рис. 6,13–15) [Kovaleva, Mukhopad 1982, 95, рис. 4,2; Meliukova 1964], которые будут массово распро-

12. В могильнике есть погребения раннескифского времени, не связанные генетически с некрополем ССК.

13. Единичные образцы будут встречаться вплоть до первых веков нашей эры в памятниках поздних скифов и сарматов.

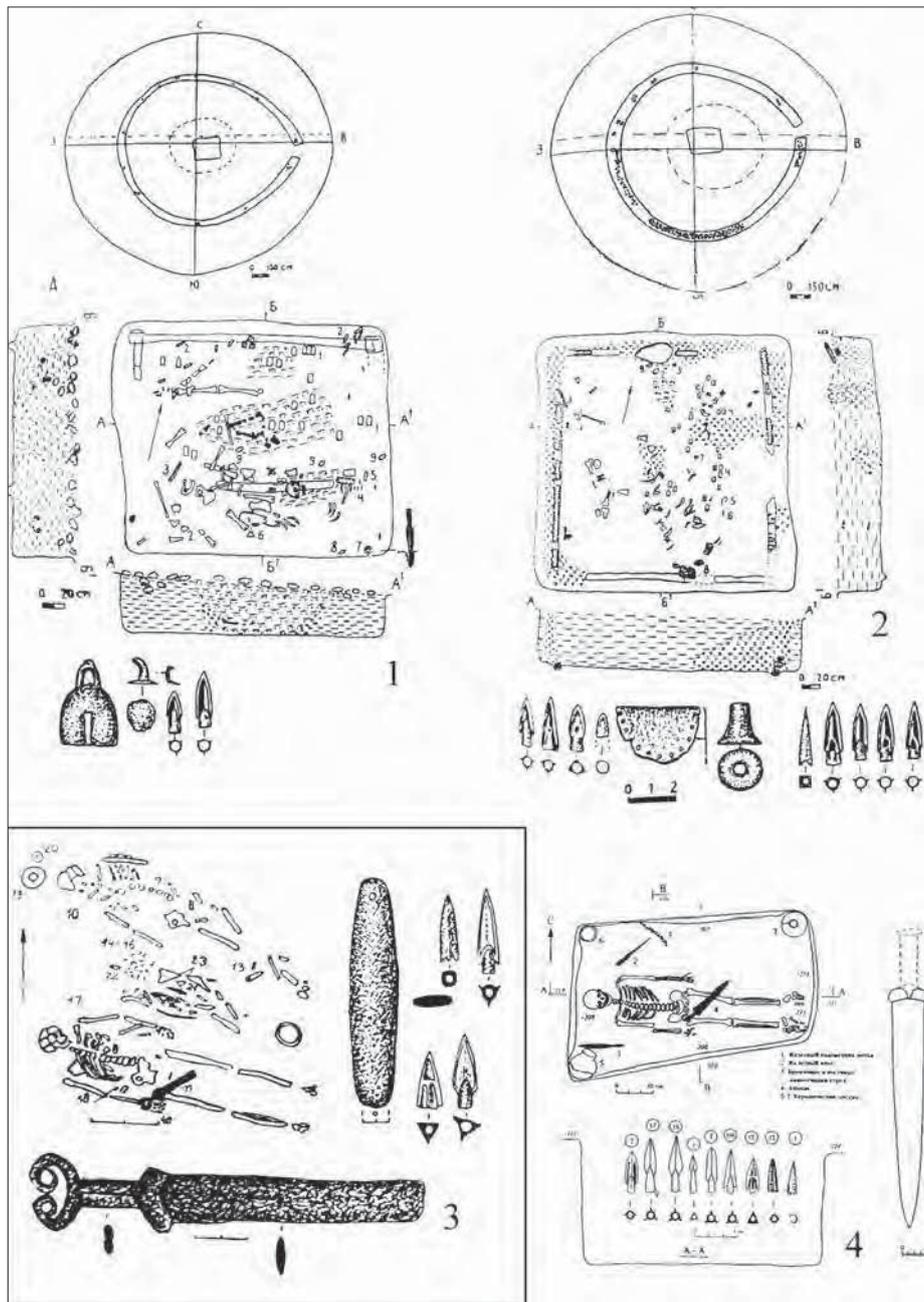

Рис. 5. Погребения последней трети VI – первой четверти V вв. до н.э. Предкавказья. 1 – Нальчик, кург; 2 – Нальчик, кург; 3 – Павлодольское (по: Prokopenko 2014).

Fig. 5. Burials of the last third of the 6th – the first quarter of the 5th centuries BC from the Northern Caucasus. 1 – Nalchik, burial mound; 2 – Nalchik, burial mound; 3 – Pavlodolskoe; 4 – Assinovskaya (by Prokopenko 2014).

странены в следующий период.

Одномоментное массовое появление базисных наконечников стрел в последней четверти VI в. до н.э. можно связывать с появлением новых групп кочевников и, вероятно, с началом деятельности бронзолитейных мастерских. Базисные стрелы со скрытой втулкой и высту-

пающими ниже края втулки лопастями хорошо известны в раннескифское время в Приаралье [Vishnevskaja 1973 tabl. XX,13]. Некоторые из мастерских, судя по большому количеству не заточенных наконечников и спектральному анализу металла, можно локализовать в Нижнем Побужье. Анализ наконечников из Верх-

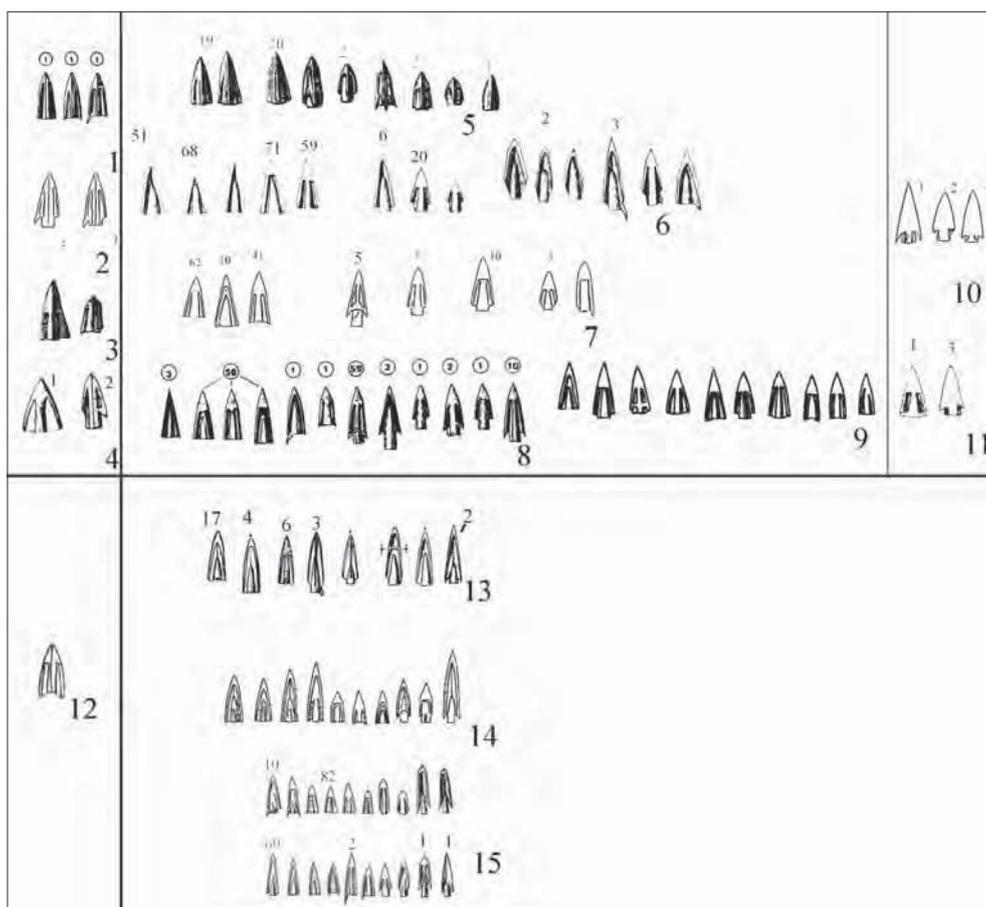

Рис. 6. Наконечники стрел последней четверти VI – первых двух десятилетий V вв. до н.э. Северного Причерноморья и Крыма. 1, 8 – Дзюбина Могила; 2, 7, 10 – Скоробор 1/2013; 3, 5 – Владимировка 2/16; 4, 6, 11 – Вишневка; 12, 14 – Золотой курган; 13 – Новокиевка; 15 – Александровка (по: Murzin 1984; Kovaleva, Muhopad 1982; Andruh 1988; Melyukova 1964; Koltuhov 1999; 2012; Alekseev 1991; Shramko 2016). Масштаб произвольный.

Fig. 6. Arrowheads of the last quarter of the 6th – the first two decades of the 5th cc. BC from the Northern Black Sea and Crimea. 1, 8 – Dzyubina Mogila; 2, 7, 10 – Skorobor 1/2013; 3, 5 – Vladimirovka 2/16; 4, 6, 11 – Vishnevka; 12, 14 – Zolotoy kurgan; 13 – Novokievka; 15 – Aleksandrovka (by Murzin 1984; Kovaleva, Muhopad 1982; Andruh 1988; Melyukova 1964; Koltuhov 2012; Alekseev 1991; Shramko 2016). Free scale.

ней Тарасовки, показал наличие сурьмы в качестве искусственной лигатуры. С.Я. Ольговский склоняется к мысли о массовом производстве базисных наконечников стрел в Ольвии заезжими мастерами-варварами, которые использовали Волго-Уральское сырье [Ol'govskii 2005, 92–94]. А.Д. Таиров допускает возможность переселения части кочевников из Северного Причерноморья не только на Средний и Нижний Дон, но и на Южный Урал, где они участвуют в сложении местной элиты в конце VI в. до н.э. Все это связывается с прекращением существования ананьинской культуры и как следствие прекращение поступления металла из данного региона. С другой стороны, в зависимость от кочевников попадает иткульское население, а ко-

чевники начинают обменные операции (включая металл) по «торговому пути Геродота». Таким образом, кочевники Южного Зауралья становятся одними из основных поставщиков металла в Северное Причерноморье, что могло привести к притоку в данный регион кочевников с запада, которые желали контролировать, а, возможно, и оттеснить местных кочевников от управления иткульскими металлургами [Таиров 2008, 32–33].

Все это позволяет согласиться с исследователями в том, что появление и возобладание базисных наконечников стрел приходится на последнюю четверть VI в. до н.э. Их доминирование продолжается и в первые два десятилетия следующего столетия.

Детали колчанов. Не используются крестовидные бляхи¹⁴. Достаточно широкое распространение получают полусферические ворворки («конусы») (рис. 7). Первые конусы имеют полусферическую форму (тип I-1¹⁵) [Alekseev 2003, 214–215]. Наиболее ранние образцы найдены в древнейших среднескифских захоронениях середины – третьей четверти VI в. до н.э. (Райгород, кург. 2¹⁶, Витова Могила (рис. 7,5). Такие полусферы («конусы»), я вслед за А.Ю. Алексеевым, считаю маркерами материальной культуры новых групп кочевников. Подобные, преимущественно железные, полусферы найдены в комплексах последней четверти VI в. до н.э. Нартана¹⁷ [Batchaev 1985], Вишневка (рис. 7,9) [Andrukh 1988], погр. 22 Южного участка раскопа 1 Дурино X (рис. 7,4) [Prokofev 2014, 203, рис. 81, 40], могилы 1/1940 г. некрополя Гермонассы (рис. 7,6) [Gaidukevich 1959, 183, fig. 49], кург. 9 у с. Мачухи (рис. 7,8)

[Kovpanenko 1970, 155]. В это время появляется и иной тип подобных изделий, которые, в отличие от вышеописанных, сделаны из золота – конусы с усеченной верхушкой (тип I-2) (Дзюбина Могила) (рис. 7,11) [Alekseev 1991]. Известны они и в начале следующего столетия (Александровка, Острая Томаковская Могила (рис. 7,10) [Alekseev 2003, 214–216].

Подобные изделия хорошо известны в Северном Китае (Синьцзян), на Алтае и Южном Приуралье (рис. 7,12–20). Крупные ворворки относятся к периоду Чуңьцю (770–475 гг. до н.э.). Основной период их бытования, по мнению П.И. Шульги, приходится на финал периода Чуңьцю примерно с 550 гг. до н.э. и начало Чжаньго (Воюющие государства,

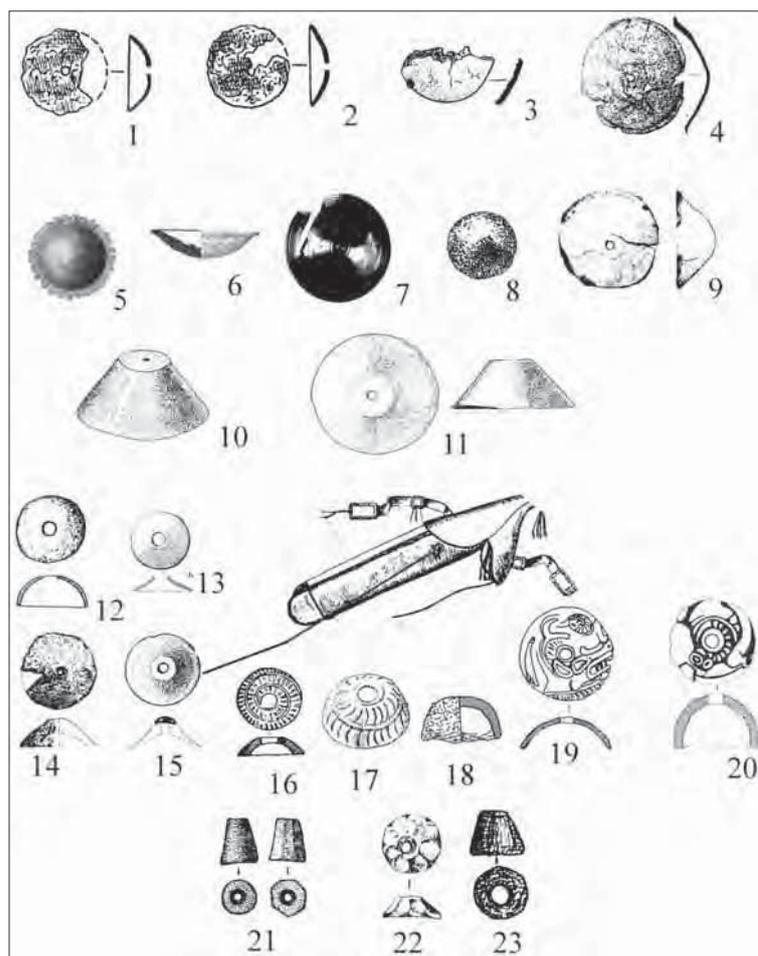

Рис. 7. Ворворки VI – V вв. до н.э. Евразии. 1,2 – Нартан, кург. 4; 2 – Нартан, кург. 8; 3 – «Дурино X», южный участок раскопа 1, погр. 26; 4 – Витова Могила; 6 – Гермонасса, погр. 1/1940 г.; 7 – Ольвия, погр. 1913/82; 8 – Мачухи, кург. 9; 9, 22 – Вишневка; 10 – Острая Томаковская Могила; 11 – Дзюбина Могила; 12 – 15 – Алтай (Новотроицкое-2, Рогозиха-1); 16–20 – Синьцзян; 21 – Александровка; 23 – Купьеваха, кург. 24 (по: Shulga 2010; Murzin 1984; Kovaleva, Muhopad 1982; Andruh 1988; Pinskaya, Terenozhkin, 1983; Alekseev 1991; Prokofev 2015; Skudnova 1988; Gaydukevich 1959; Kovpanenko 1970; Batchaev 1985; Umanskiy, Shamshin, Shulga 2005; Shulga, Umanskiy, Mogilnikov 2009). Масштаб произвольный.

Fig. 7. Vorvorkai of the 6th – 5th centuries BC from the Eurasia. 1,2 – Nartan, burial mound 4; 2 – Nartan, burial mound 8; 3 – “Dugino H”, south section of dig 1, burial 26; 4 – Vitova Mogila; 6 – Hermonassa, burial 1/1940; 7 – Olbia, burial 1913/82; 8 – Machuhi, burial mound 9; 9, 22 – Vishnevka; 10 – Ostraya Tomakovskaya Mogila; 11 – Dzyubina Mogila; 12 – 15 – Altay; 16–20 – Sintszyan; 21 – Aleksandrovka; 23 – Kupevaha, burial mound 24 (by Shulga 2010; Murzin 1984; Kovaleva, Muhopad 1982; Andruh 1988; Melyukova 1964; Pinskaya, Terenozhkin 1983; Alekseev 1991; Shramko 2016; Prokofev 2015; Skudnova 1988; Gaydukevich 1959; Kovpanenko 1970; Batchaev 1985). Free scale.

14. Исключение представляет кург. 2 у с. Волковцы (1897 г.), где бляха переиспользована [Pinskaya 1968].

15. Типы тут и далее по А.Ю. Алексееву.

16. Являлся, вероятно, частью ножен.

17. Два железных изделия найдено в кург. 4 (рис. 7,1–2) и железное серебряной обкладкой – в кург. 8 (рис. 7,3).

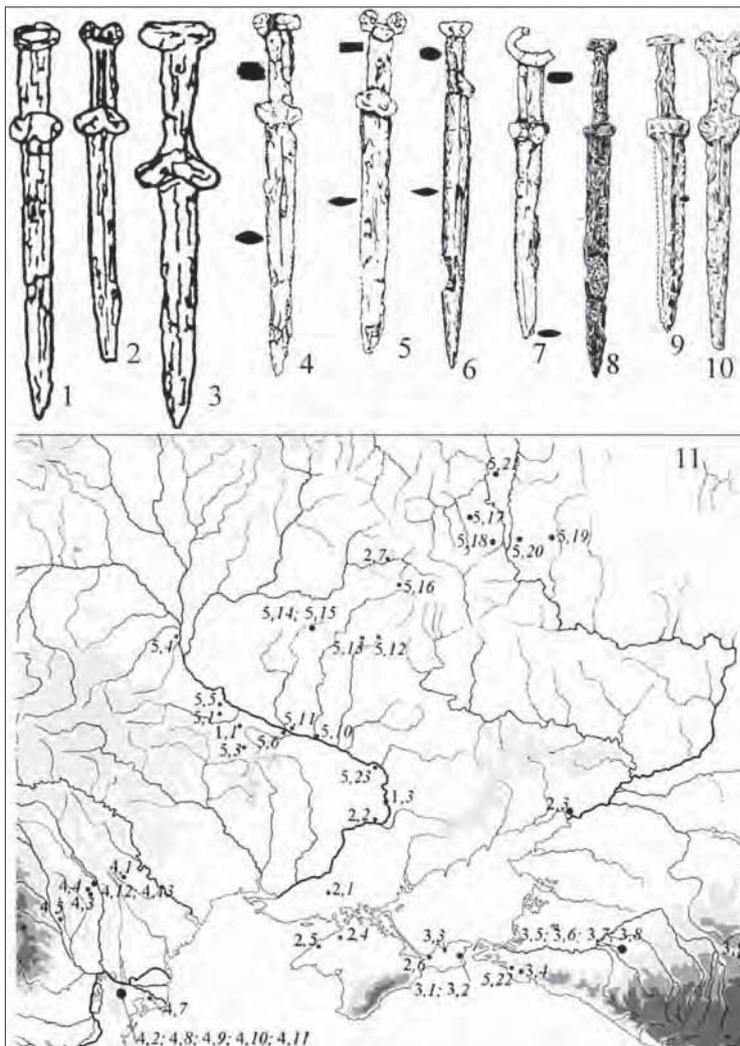

Рис. 8. Мечи и кинжалы последней четверти VI – первой четверти V вв. до н.э. юга Восточной Европы. 1-3 – Сынтас I, кург. 1; 4 – «Дугино X», южный участок раскопа 1, погр. 26; 5 – «Дугино X», южный участок раскопа 1, погр. 1; 6 – «Дугино X», южный участок раскопа 1, погр. 22; 7 – «Дугино X», южный участок раскопа 1, погр. 4; 8 – Тли, погр. 298; 9 – Тли, погр. 205; 10 – Тли, погр. 139; 11 – находки мечей и кинжалов с сегментовидным, трапециевидным и овальным перекрестьем (по: Babenko, Shelehan 2015; Kadyirbaev, Kurmankulov 1976; Prokofiev 2015; Tehov 1980). Масштаб произвольный.

Fig. 8. Swords and daggers of the last quarter of the 6th – the first quarter of the 5th centuries BC from the South Eastern Europe. 1-3 – Syintas I, burial mound 1; 4 – “Dugino H”, south section of dig 1, burial 26; 5 – “Dugino H”, south section of dig 1, burial 1; 6 – “Dugino H”, south section of dig 1, burial 4; 7 – “Dugino H”, south section of dig 1, burial 22; 8 – Tli, burial 298; 9 – Tli, burial 205; 10 – Tli, burial 139; 11 – findings of swords and daggers with segment-, trapezoidal, and oval crosshairs (by Babenko, Shelehan 2015; Kadyirbaev, Kurmankulov 1976; Prokofiev 2015; Tehov 1980). Free scale.

475–221 гг. до н.э.) [Shul’ga 2010, 102-103]. Конические ворворки широко использовались: в узде и поясах – мелкие изделия, а крупные – для подвешивания колчанов и горитов [Kubarev, Shul’ga 2007, 103, 108-109]. Происхождение данной категории изделий не связано с Северным Причерноморьем. Можно предполагать их восточное происхождение (Восточный Туркестан, Северный Китай и соседние регионы)¹⁸. Определенную роль в их распространении сыграли и кочевники Предкавказья.

В качестве деталей одежды и амуниции продолжают использоваться небольшие, по-прежнему преимущественно железные, ворворки конической формы (рис. 7, 21-23).

Мечи и детали ножен. Мечи и кинжалы данного периода достаточно разнообразны. Одними из наиболее распространенных типов мечей и кинжалов в это время являются изделия с брусковидным навершием и сегментовидным перекрестьем. Данному типу предметов была посвящена специальная работа А.В. Шелеханя и Л.И. Бабенко [Babenko, Shelehan’ 2015]. Исследователями были собраны все известные им подобные мечи и кинжалы. Предполагается их северопричерноморское происхождение. В целом, отмечается, что на протяжении второй половины VI – первой половины V вв. до н.э. происходит развитие формы перекрестья, а раннескифские и среднескифские формы определенное время сосуществуют [Babenko, Shelehan’ 2015, 79]. Стоит остановиться на вопросах датировки и происхождения данного типа холодного оружия.

Исследователи неверно датировали комплекс с паросским киликом из Прикубанья (Уляп, кург. 15, погр. 51), который должен

18. На пути решения данного вопроса стоит отсутствие четких датировок для находок из Северного Китая и Алтая. Подобная ситуация характерна для скифологии. Отсутствие надежных хронологических индикаторов на Востоке не позволяет уточнить происхождение многих инновационных категорий вещей и, даже, говорить о хронологической доминанте изделий из Европы.

датироваться не позднее середины VI в. до н.э. [Koshelenko, Malyshev, Ulitin 2010, 268]. Кроме того, не было обращено внимания на аналогичные изделия раннескифского времени из погр. 205 и 298 из могильника Тли на Северном Кавказе (рис. 8,8–9) [Tekhov 1980, 234, fig. 16,3, 239, fig. 20,4]. Вышеприведенные факты позволяют предполагать появление данных типов кинжалов в Предкавказье. Карта, составленная авторами, показывает путь распространения этих изделий из вышеуказанного региона через Прикубанье, Крым в Северное Причерноморье (рис. 8, 11).

Интерес привлекают мечи и кинжалы с сегментовидным перекрестьем, на рукоятках которых есть выгравированные изображения, в частности, изображения в фас головы хищника [Makhortykh, Ievlev 2001]. Данный элемент декора подчеркивает хронологическую близость подобных мечей и кинжалов комплексам с бронзовыми бляшками с близкими изображениями.

В одном из наиболее ранних комплексов ССК (Вишневка) найден кинжал с перекрестьем близким к почковидному и брусковидным навершием (рис. 9,2) [Andrukh 1988]. Близкой формы кинжал, но с антенновидным навершием, был обнаружен в погр. 1 южного участка раскопа 1 могильника Дугино X (рис. 8,5). В погр. 4 данного участка могильника был найден кинжал с перекрестьем близким по форме келермесскому, но с антенновидным навершием (рис. 8,7) [Prokof'ev 2015].

Несколько позднее, в конце VI – начале V в. до н.э., появляются и распространяются мечи и кинжалы с бабочковидным перекрестьем и брусковидным навершием (Александровка, Острая Томаковская Могила) (рис. 9,1,4). При этом, данные изделия, как и их ножны, украшены золотом с использованием скани, зерни и эмалей.

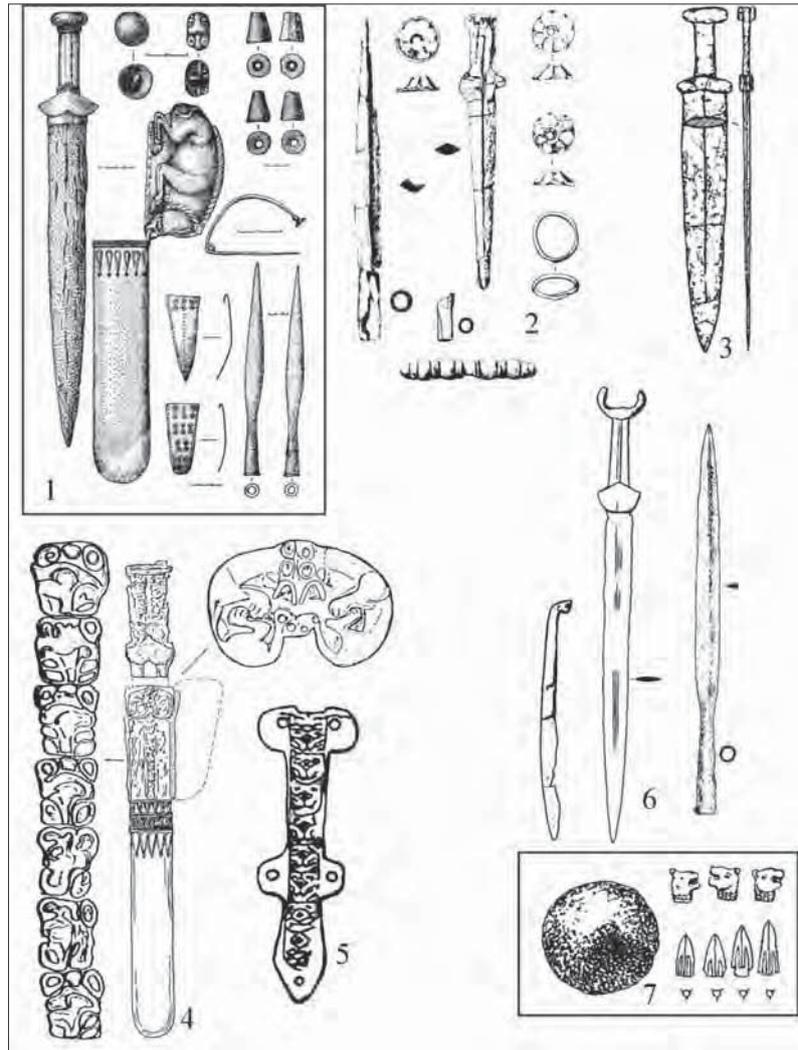

Рис. 9. Предметы вооружения и детали ammunition последней четверти VI – первой четверти V вв. до н.э. юга Восточной Европы и аналогии. 1 – Александровка; 2 – Вишневка; 3 – Дальнее 8/1; 4 – Острая Томаковская Могила; 5 – Усть-Иштовка-1; 6 – Пыржолтены; 7 – Мачухи, кург. 9 (по: Koltuhov 2012; Kovaleva, Muhopad 1982; Andrukh 1988; Lapushnyan 1979; Ilinskaya, Terenozhkin 1983; Alekseev 1991; Umanskiy, Shamshin, Shulga 2005). Масштаб произвольный.

Fig. 9. Weapons items and ammunition parts of the last quarter of 6th – the first quarter of 5th centuries BC from the South Eastern Europe and the analogies. 1 – Aleksandrovska; 2 – Vishnevka; 3 – Dalnee 8/1; 4 – Ostraya Tomakovskaya Mogila; 5 – Ust-Ishtovka; 6 – Pyirzholtenyi; 7 – Machuhi, burial mound 9 (by Koltuhov 2012; Kovaleva, Muhopad 1982; Andrukh 1988; Lapushnyan 1979; Ilinskaya, Terenozhkin 1983; Alekseev 1991; Umanskiy, Shamshin, Shulga 2005). Free scale.

Все многообразие форм мечей и кинжалов данного периода показывает, скорее всего, практически синхронный комплекс кург. 1 могиль-

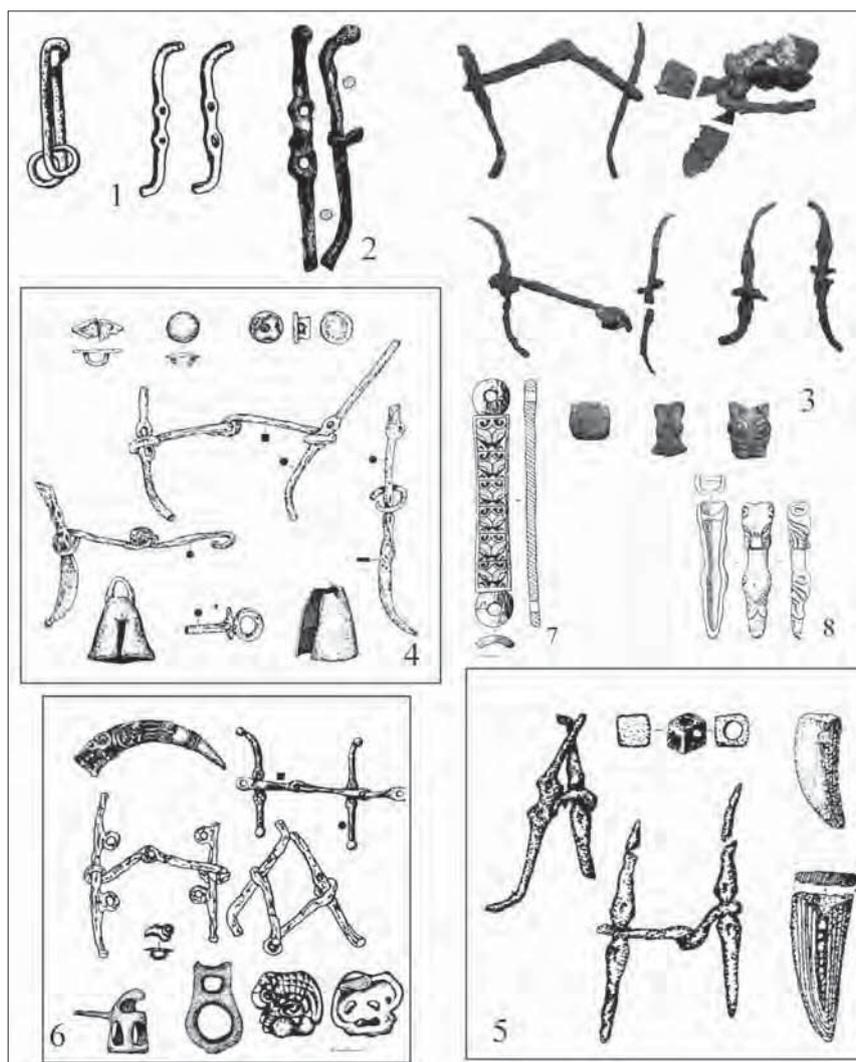

Рис. 10. Детали конской узды последней четверти VI – первой четверти V вв. до н.э. юга Восточной Европы и аналогии. 1 – Пыржолтены; 2 – Олефирищина, кург. 2; 3 – Скоробор, кург. 1/2013; 4 – Ульский курган 1/1898; 5 – Кривая Лука XVII, кург. 15; 6 – узда из комплексов Южного Приуралья (Сара, Сынтас 1); 7-8 – Алтай (по: Ochir-Goryaeva 2012; Kadyrbaev, Kurmankulov 1976; Lapushnyan 1979; Shramko, Zadnikov 2014; Ulskie kurganyi 2015; Shulga, Umanskiy, Mogilnikov 2009). Масштаб произвольный.

Fig. 10. Details of the horse reins of the last quarter of the 6th – the first quarter of 5th centuries BC from the South Eastern Europe and the analogies. 1 - Pyirzholtenyi; 2 - Olefirschina, burial mound 2; 3 - Skorobor, burial mound 1/2013; 4 - Ul'skiy kurgan 1/1898; 5 - Krivaya Luka XVII, burial mound 15; 6 - rein from the South Urals complexes (Sara, Syintas 1) (by Ochir-Goryaeva 2012; Kadyrbaev, Kurmankulov 1976; Lapushnyan 1979; Shramko, Zadnikov 2014; Ulskie kurgany 2015). Free scale.

ника Сынтас 1 (рис. 8,1–3). Один из кинжалов имел почковидное перекрестье и кольцевидное навершие, второй – сердцевидное перекрестье, двуглавую рукоятку и антенновидное навершие, третий - сердцевидное перекрестье несколько иной формы и брусковидное навершие [Kadyrbaev, Kurmankulov 1984, 142].

Важно отметить наличие на юге Восточной Европы мечей с кольцевидным навершием (Золотой курган, анторопоморфное изваяние

из Кировограда, случайная находка у Кисловодска), которые могут иметь восточные истоки (Монголия, Северный Китай, Алтай) [Aleksiev 2003, 170].

В целом, данный период, судя по всему, связан с поиском оптимальной формы рукоятки холодного оружия. Многообразие форм мечей и кинжалов юга Восточной Европы, вероятно, говорит о смешении традиций – местной раннескифского времени, и нескольких

привнесенных, среди которых северокавказский очаг металлообработки имел наиболее заметную роль.

К деталям мечей относятся обкладки ножен, плакированные золотом, эмалями, сканью и зернью (Золотой курган, Острая Томаковская Могила и Александровка) (рис. 9,1,4). Место производства их дискуссионно (см. подробнее [Alekseev 2003, 201]). Интересны аналогии декору ножен томаковского меча в виде столбика изображенных в анфас морд хищников в Приобье (погр. 10 могильника Усть-Иштовка-1) (рис. 9,5), отмеченный Ю.Б. Полидовичем [Polidovich 2014, 158].

В погребении во Владимировке в Северо-Западной Таврике, так же как и в Александровке, деталью амуниции, связанной с мечом, была бронзовая бляшка в виде головы кабана (рис. 11,2) [Koltukhov 2012, 228, fig. 68, 2]. Изображения кабана-вепря семантически связаны с мечом скифского Ареса [Polidovich 2014, 159].

Ажурная оловянная бутероль с изображениями лося и горного козла из Приднестровья (рис. 11,2) имеет параллели на Северном Кавказе [P'inskaia, Terenozhkin 1983, 96].

Наконечники копий были найдены в восьми степных и трех лесостепных захоронениях. Железные наконечники имели как лавролистную, так и остролистную формы с нервюрой или без. Заметно уменьшение длины втулки по сравнению с раннескифскими изделиями. Копье в погребении у с. Надежда в Крыму было, вероятно, воткнуто в дно могилы [Polin, Koltukhov 2015, 163]. Данный элемент в большой степени скифского погребального обряда в раннескифское время неизвестен.

Доспех или его фрагменты найдены в шести степных комплексах. Наиболее полно он представлен в погребениях у Вишневки и Александровки [Andrukh 1988; Kovaleva, Mukhopad 1982]. Пластинчатый шлем, панцирь, набедренники и наголенники. Переделанный греческий шлем был найден у с. Надежда [Polin, Koltukhov 2014]. В захоронениях данного периода не найдено наконечников дротиков.

Узда. В данный период (I среднескифская группа/этап – последняя четверть VI – первая половина V вв. до н.э. по А.Д. Могилову) полностью возобладал новый тип узды [Mogilov 2008, 94–136].

Интересно полное отсутствие в северо-причерноморской Степи среди комплексов данного периода деталей узды, что, скорее всего, не случайно. В Лесостепи последними двумя десятилетиями VI в. до н.э. датируется кург. 1/2013 Скоробора (рис. 10,3) [Shramko, Zadnikov 2013]. Данный комплекс показывает, что в данный период используются исключительно железные кольчатые удила и железные двухдырчатые псалии с секировидными либо S-ной формы концами. Несколько более поздним является захоронение в кург. 2 у с. Олещина в Поворсклье, в котором на выкиде были найдены детали узды (сохранился железный двухдырчатый псалий с загнутыми в разные стороны концами) (рис. 10,2) [Kulatova, Lugovaia, Suprunenko 1993, 16].

К данному времени относятся железные псалии с одним загнутым концом и S-ной формы из коллективного погребения 2 кург. 15 могильника Кривая Лука XVII в Нижнем Поволжье (рис. 10,5) [Ochir-Goriaeva 2012, 194], которые находят аналогии в Ульских курганах [Ul'skie kurgany 2015].

В последней четверти VI в. до н.э. (Ульский кург. 1898/2) продолжают встречаться железные двухдырчатые псалии с изогнутыми пластинами-лопастями (рис. 10,4). Появляются изделия с одним загнутым концом [Ul'skie kurgany 2015]. Данные изделия отличаются от более поздних Г-образных псалиев (угол близок прямому) углом загиба одного из концов. Подобные детали узды в Северном Причерноморье и Лесостепи не найдены¹⁹, а во второй четверти V в. до н.э. распространяются Г-образные псалии.

Железные двухдырчатые псалии с изогнутыми пластинами-лопастями в это время трансформируются в секировидные изделия (S-видные с расплюснутыми концами), которые характерны для комплексов именно последних двух десятилетий VI – первой четверти V вв. до н.э. Данные псалии маркируют комплексы начала среднескифского времени (Скоробор 1/2013, Кулешовка, Медерово) и встречаются в древнейших захоронениях второй группы захоронений Классической Скифии по А.Ю. Алексею.

В Прикубанье известны также прямые псалии с головками орлов, одна из которых сильно

19. Известны в Нижнем Поволжье (Кривая Лука).

расклепана и имеет серповидную форму (рис. 10,4). В конце VI – начале V вв. до н.э. (1898/1) продолжают использоваться прямые псалии с головкой орла серповидной формы. Представлены бронзовые ромбовидные бляшки, которые получают распространение несколько позднее в Северном Причерноморье. В конце VI – первых десятилетиях V в. до н.э. в уздечке полностью исчезают пряжки-пронызки для перекрещивающихся ремней. На их смену приходит целая серия разнообразных бляшек, которые имеют параллели в более ранних комплексах Прикубанья (Ульские курганы 1909/1-2, 1982/10) [Ul'skie kurgany 2015].

Для комплексов последней четверти VI – самого начала V в. до н.э. характерны бронзовые и костяные бляшки с изображениями хищников в анфас, которые не имеют истоков в Северном Причерноморье (Острая Томаковская Могила, Скоробор) (рис. 9,4; 10,3). Данные изображения проанализированы Ю.Б. Полидовичем, хотя автор не высказывает своего мнения об истоках данной традиции [Polidovich 2008].

Еще одна яркая инновация данного периода в Северном Причерноморье – орнаментированные клыки и их имитации, имеет восточное происхождение и в качестве культурного влияния распространившегося из Южной Сибири, Тувы на запад (Korol'kova 2006, 123). Картографирование находок орнаментированных клыков и их имитаций позволяет проследить направление (на определенных отрезках и путь носителей?) данной традиции из Зауралья через Поволжье, Северный Кавказ, Крым в Северное Причерноморье [Korol'kova 2006, 226, табл. 59].

По сравнению с материальной культурой переходного периода (вторая-третья четверти VI в. до н.э.) можно отметить следующие изменения. В колчаных наборах абсолютно доминируют базисные трехлопастные наконечники стрел. Иной является изобразительная традиция, а типы изображений с крестовидных блях не используются. Происходит замена типов мечей и кинжалов, при этом изделия очень разнообразны. Узда нового типа полностью возобладала. Изменения можно связывать с влиянием традиций Северного Кавказа и Прикубанья

при определенном восточном влиянии.

Периодизацию памятников переходного периода и начала ССК можно представить в виде таблицы (табл. 1).

Комплексы
Переходный период (560–540 [*]): Аксай, Куцеволовка, Купьеваха к. 19, Тетюшино, Басовка к. 482, Нартан к. 5, Ольвия 1910/12, 1909/6, 1911/66, 1911/52, Таманский некрополь п.3 1931 г., Огородное п.5 к.9. (530–520): Витова Могила, Опишлянка, Гусарка, Скоробор к. 4, Купьеваха, к. 21
515–500: Ольвия 1912/48, 1913/87, 1913/91, Верхняя Тарасовка, Нартан к. 2, 3, 8, Приднепровка, Вишневка, Ольвия 1912/1, 1913/91, 1913/87, 1912/48, Скоробор 1/2013, 500-480: Золотой курган, Александровка, Новокиевка, курган №3 южного и курганы 1 и 3 северного некрополей у с. Прибугское, Острая Томаковская Могила, Купьеваха к. 17/1, 24.

* гг. до н.э.

Табл. 1. Возможный вариант периодизации памятников VI – начала V вв. до н.э.

Древняя Скифия с ее раннескифским материальным комплексом постепенно уступила место Классической в середине-второй половине VI в. до н.э. под влиянием новой группы кочевников, которая проникла с Северного Кавказа через низовья Дона в Северное Причерноморье. Данные коллективы не отличались однородностью и могли включать в свой состав как кочевников Предкавказья и Прикубанья раннескифского времени, так и новые группы номадов с более восточных областей. Миграция середины VI в. до н.э. была очередным перемещением групп населения с Северного Кавказа в Северное Причерноморье (катакомбная культура, памятники новочеркасского типа, раннескифское время). Данные группы нового населения не подчинили себе население Лесостепи, вероятно, в виду своей малочисленности и большей заинтересованностью походом в Центральную Европу [Grechko 2016].

Большее влияние на формирование материальной культуры Классической Скифии имели описанные выше традиции более многочисленных мигрантов последней четверти VI в. до н.э. с Северного Кавказа и, возможно, более вос-

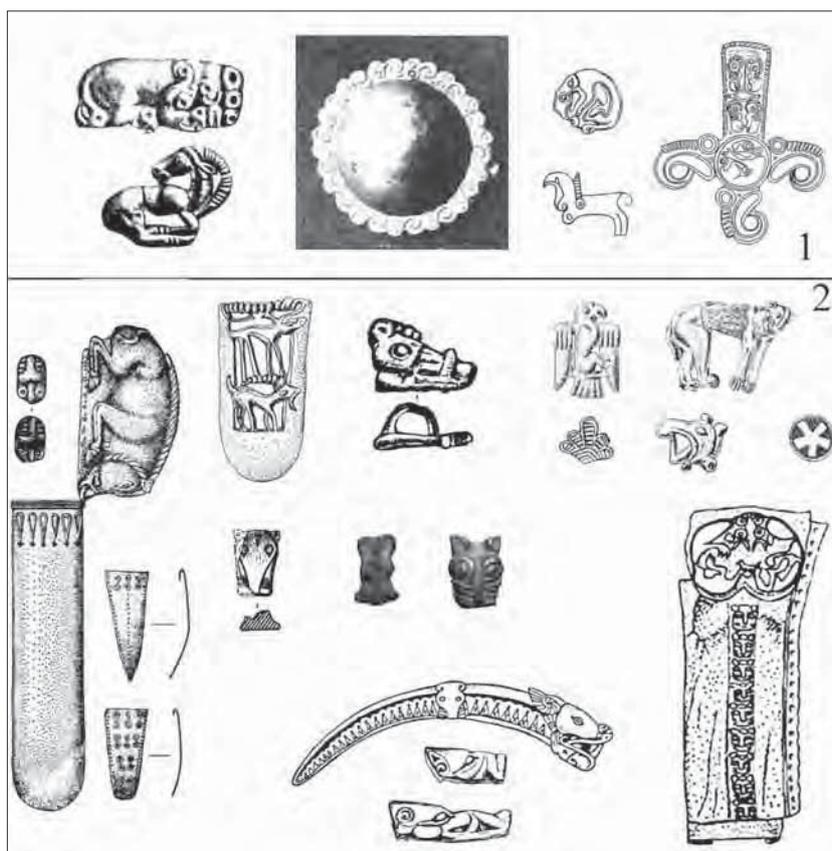

Рис. 11. Некоторые элементы изобразительной традиции переходного периода (1) и последней четверти VI – первой четверти V вв. до н.э. (2) юга Восточной Европы и аналогии (по: Koltuhov 2012; Kovaleva, Muhopad 1982; Andruh 1988; Lapushnyan 1979; Ilinskaya, Terenozhkin, 1983; Alekseev, 1991; Shulga Umanskii 2009; Grechko 2012; Korolkova 2006). Масштаб произвольный.

Fig. 11. Some elements of the pictorial tradition of the transitional period (1) and of the last quarter of the VI – first quarter of the V centuries BC. (2) of the South Eastern Europe and the analogy. (по: Koltuhov 2012; Kovaleva, Muhopad 1982; Andruh 1988; Lapushnyan 1979; Ilinskaya, Terenozhkin, 1983; Alekseev, 1991; Shulga Umanskii 2009; Grechko 2012; Korolkova 2006). Free scale.

точных регионов, которые пришли в движение после столкновений с первыми Ахеменидами. Исходная территория определяется с трудом, но можно предполагать, что это Южное Зауралье и более восточные регионы. Далее носители данной традиции через Волго-Донское междуречье проникли в степи Предкавказья. Из Предкавказья далее через Крым в Северное Причерноморье, судя по аналогиям в погребальном обряде и инновациям в материальной культуре, двинулась и значительная часть кочевого населения данного региона. Подобный маршрут с Северно-

го Кавказа подтверждается распространением кинжалов и мечей с сегментовидным перекрестием и орнаментированных клыков (рис. 8,11; 12,4). Подобный маршрут (приблизительно около 45° северной широты в Предкавказье и междуречье Дона и Днепра) перемещения центральноазиатских кочевников на запад использовался регулярно с начала раннего железного века [Alekseev 2003, 68].

Одной из территорий, с которой могло происходить движение кочевников, могло быть Приаралье. В Присарыкамьшской дельте Амударьи развитие культуры сакского типа прерывается в середине VI в. до н.э. вследствие экспансии Хорезма (памятники кюзелигырской культуры), а на Нижней Сырдарье данная культура в трансформированном виде существует до рубежа VI/V вв. до н.э. [Itina, Iablonskii 1997, 72]. Между 545 и 539 гг. до н.э. Кир II подчинил Хорезм и часть сакских племен [Staviskii 1971, 156]. В последней трети VI в. до н.э. Ахемениды совершили два похода против кочевников Средней Азии, второй из которых завершился успешно (519 г. до н.э.). Исследователи фиксируют проникновение групп сакского населения в Южное Приуралье и Зауральскую Лесостепь (Маровый Шлях)²⁰ [Tairov 2006].

А.Д. Таиров допускает проникновение части кочевников (“новые скифы” А.Ю. Алексеева) Восточного Туркестана и Юго-Восточного Казахстана в Северное Причерноморье в конце VI в. до н.э. [Tairov 2008, 162]. Комплексы Северного Кавказа и Северного Причерноморья начала среднескифского времени (западная ориентировка покойников, захоронения в прямоугольных и подквадратных в плане ямах, ча-

20. В данной связи особое внимание привлекает погребение у с. Медерово и Орджоникидзе в Чечене [Bokii 1974; Prokopenko 2014].

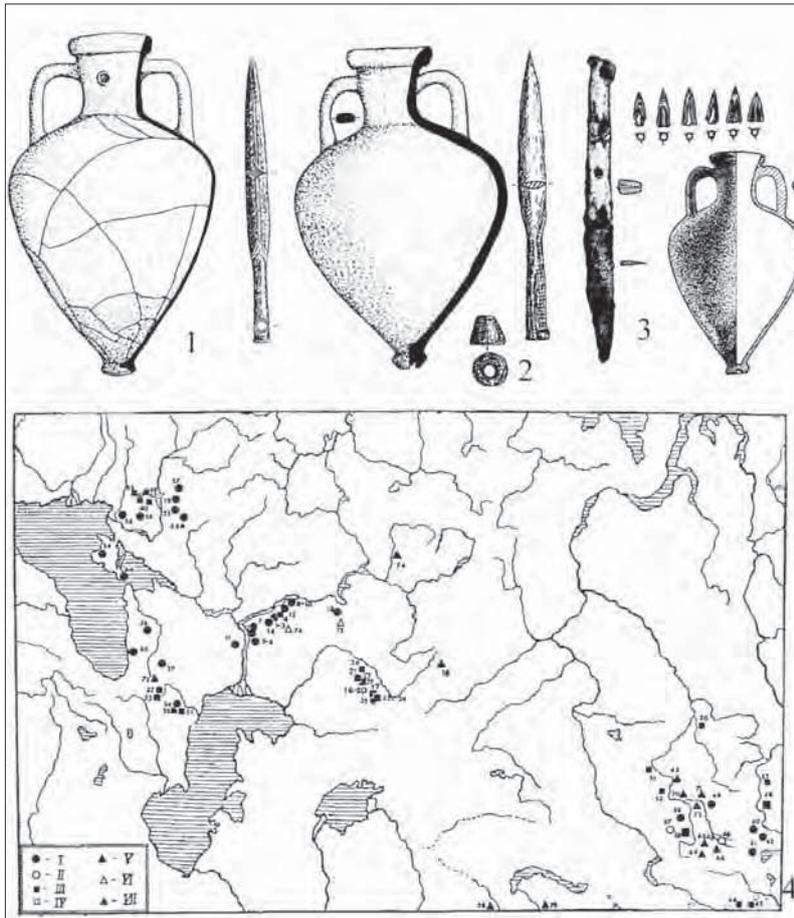

Рис. 12. Материалы последней четверти VI – первой четверти V вв. до н.э. юга Восточной Европы и карта распространения орнаментированных клыков. 1- Купьеваха, кург. 17/1; 2 – Купьеваха, кург. 24/1; 3 – Олэфирщина, кург. 2; 4 – находки орнаментированных клыков и их имитаций (по: Kulatova, Lugovaya, Suprunenko 1993; Boyko, Berestnev 2001; Berestnev, Boyko 2005; Korolkova 2006). Масштаб произвольный.

Fig. 12. Materials of the last quarter of 6th – the first quarter of 5th centuries BC from the South Eastern Europe and the map of distribution of ornamented canines. 1 – Kupievaha, burial mound 17/1; 2 – Kupievaha, burial mound 24/1; 3 – Olefirschina, burial mound 2; 4 – finds of ornamented canines and it imitations (by Kulatova, Lugovaya, Suprunenko 1993; Boyko, Berestnev 2001; Berestnev, Boyko 2005; Korolkova 2006). Free scale.

сто с угловыми столбами, погребения на уровне древнего горизонта под деревянными настилами), как минимум, не противоречат данному предположению.

Путь кочевников из Предкавказья и Прикубанья в Северное Причерноморье проходил через Таврику. На Таманском полуострове зафиксированы следы разрушений последней четверти

VI – начале V вв. до н.э. в Патрее, Торике, Фанагории (см. подробнее [Zavoikin 2010, 24]).

Пожары и, как следствие, возведение оборонительных сооружений фиксируются на нескольких античных памятниках Керченского полуострова (Мирмекий, Порфмий, Пантикапей, Тиритака) (подробнее см. [Alekseev 2003, 165, Zavoikin 2010, 25, 53-54, сноска 71]). Появление скифских захоронений данного периода вблизи Феодосии (Надежда и др.) исследователи считают не случайным [Polin, Koltukhov 2015, 170].

С.Г. Колтухов связывает захоронения в Золотом Кургане и Острой Томаковской Могиле с предводителями крупных формирований скифской орды, которая заселила Северное Причерноморье на рубеже VI/V вв. до н.э. Исходные районы миграции исследователь не определяет, но отмечает,

что данные мигранты начали сразу оказывать сильное влияние на греческие апойкии Крыма [Koltukhov 1999, 17].

В Лесостепи, вопреки существующему мнению, следов погромов этого времени не зафиксировано и большинство поселений непрерывно существуют до конца первой трети V в. до н.э. На данный момент не совсем ясно, когда произошло массовое строительство укреплений в Днепровском лесостепном Левобережье – в середине-третьей четверти (в связи с появлением носителей крестовидных блях) либо в последней четверти VI – начале V в. до н.э. (общая дестабилизация ситуации в Северном Причерноморье при переходе скифов ко второй стадии кочевания и покорении или установлении даннических отношений с населением Лесостепи и греками). В Лесостепи погребения кочевников данного времени единичны. Стоит отметить, что негативных изменений в жизни лесостепного населения не происходит. Наоборот, фиксируется расцвет поселенческой структуры и обмена с антич-

ными городами Северного Причерноморья. Скифы, пришедшие в регион в это время, продолжают использовать земли вдоль Днестра (террасовую Лесостепь, районы), контролировали перекопский перешеек и, вероятно, начинают борьбу за господство в регионе.

Возможно, во второй половине VI – начале V в. до н.э. скифы²¹ были сконцентрированы на походе на Балканы [Herod. VI, 40, 84]. Так, в Добрудже в начале V в. до н.э. прекращает свое функционирование поселение Тариверде, а в Истрии фиксируются достаточно масштабные разрушения, которые П. Александреску связывает со скифским походом вдоль черноморского побережья Балкан около 500 г. до н.э., либо в начале V в. до н.э. [Alexandrescu 1988, 288-289].

Можно предполагать и перемещения разного характера кочевников с запада на восток. Есть аргументы говорящие в пользу того, что в это время номады Предкавказья продвинулись, кроме Северного Причерноморья, и в Южное Приуралье, где появляется несколько воинских могильников (см. подробнее о дискусии [Alekseev 2003, 190].

Ситуацию последней четверти VI – начала V вв. до н.э. можно условно соотнести с первой стадией кочевания номадов, периодом нашествия по С.А. Плетневой [Pletneva 1982, 14, 17]. В нашем случае, новые группы населения были достаточно аморфными и, скорее всего, разноплеменными. Погребальный обряд нестабилен, а немногочисленные погребения маркируют перемещения кочевников. С данной стадией кочевания Б.Н. Мозолевский соотносил развитие сообществ кочевников в Северном Причерноморье на протяжении VII–VI вв. до н.э. [Mozolevskii 1990, 25]. Мы присоединяемся к мнению исследователей, что проникновение кочевников в раннескифское время в Лесостепь носило иной характер (см. подробнее [Alekseev 2003, 192-193]), а характеристики первой стадии кочевания (захват и начало освоения новых территорий) по С.А. Плетневой применимы к новым группам населения, которые в последней четверти VI в. до н.э. принесли новые элементы материального

комплекса и являются основателями Классической Скифии. Данная стадия продолжалась до первой четверти следующего столетия (80-е годы V в. до н.э.) и завершается ограничением территории кочевания и началом функционирования постоянных некрополей. При этом, стоит отметить, что массовое проникновение нового населения фиксируется в последней четверти VI – начале V вв. до н.э. Процесс перехода ко второй стадии кочевания составил менее полувека, что находит параллели в освоении Северного Причерноморья кочевниками средневековья (печенеги, половцы) [Polin 1992, 118-119].

Данный период заканчивается дестабилизацией обстановки – угасание поселенческой структуры Лесостепи, сокращение хор античных городов-государств. Появляется большое количество новых могильников с основными захоронениями (вторая группа погребений по А.Ю. Алексееву). В основе активного заселения степей юга Восточной Европы А.Д. Таиров справедливо считает изменение климатических условий, которые стали более благоприятны для ведения кочевого хозяйства в степи [Tairov 2008, 161].

В целом, на сегодня получается картина миграций кочевников с востока через Предкавказье в Северное Причерноморье в VII–VI вв. до н.э. (не менее трех случаев) близкая ситуации в раннем средневековье²². Античные письменные источники, в отличие от византийских, вероятно, не оставили нам имен нескольких племенных объединений, которые перемещались по «пульсирующей степи». Мы можем лишь предполагать, что кроме киммерийцев и скифов, среди номадов могли быть, например, меланхлены, которые упоминаются Гекатеом, Скилаком [Peripl. 79], Помпонием Мелой [I, 110; II, 14] и другими авторами рядом с колхами. И.В. Куклина допускает, что они могли продвигаться с Кавказа в бассейн Северского Донца [Kuklina 1985, 98].

Таким образом, есть основания полагать, что становление Классической Скифии активно проходило в последней четверти VI – начале V

21. Вероятно, сперва их численность была недостаточной для проведения военных акций как в Средней Европе, так и в Лесостепи.

22. Интересным является отмеченный С.В. Полиным факт, что кочевники, которые проходили через Северное Причерноморье транзитом, оставляли немногочисленные, но яркие следы, в основном, на Кавказе и в Карпатской котловине [Polin 1992, 118].

вв. до н.э. в связи с перекочевкой новой группы кочевников (скифов) из Предкавказья. Данный период завершается покорением лесостепного населения и установлением даннических отношений с эллинами и созданием т.н. Великой Скифии в конце первой четверти V в. до н.э.

Библиография

- Alexandrescu 1988:** P. Alexandrescu, Geten, Skythen und chora von Histria in archaischer Zeit. In: *Mestnye etnopoliticheskie ob'edineniia Prichernomor'ia VII–IV vv. do n.e.* (Tbilisi 1988), 281–294 // P. Alexandrescu, Geten, Skythen und chora von Histria in archaischer Zeit. В сб.: *Местные этнополитические объединения Причерноморья VII–IV вв. до н.э.* (Тбилиси 1988), 281–294.
- Alekseev 1991:** A.Iu. Alekseev, *Khronologiia i khronografiia Prichernomorskoj Skifii v V v. do n.e.* ASGE 31, 43–57 // А.Ю. Алексеев, *Хронология и хронография Причерноморской Скифии в V в. до н.э.* АСГЭ 31, 43–57.
- Alekseev 2003:** A.Iu. Alekseev, *Khronografiia Evropeiskoi Skifii VII–IV vekov do n.e.* (Sankt-Petersburg 2003) // А.Ю. Алексеев, *Хронография Европейской Скифии VII–IV веков до н.э.* (Санкт-Петербург 2003).
- Andrienko 1983:** V.P. Andrienko *Otchet o raskopkakh arheologicheskoi ekspeditsii Donetskogo gosudarstvennogo universiteta u s. Pozharnaia Balka v 1983 godu.* NA IA NANU. Inv. nr. 1983/51 (Doneck 1983) // В.П. Андриенко *Отчет о раскопках археологической экспедиции Донецкого государственного университета у с. Пожарная Балка в 1983 году.* НА ИА НАНУ. Инв. ном. 1983/51 (Донецк 1983).
- Andrukh 1988:** S.I. Andrukh, *Pogrebenie ranneskifskogo voina v Prisivash'e.* SA 1, 159–170 // С.И. Андрух, *Погребение раннескифского воина в Присивашье.* СА 1, 159–170.
- Babenko, Shelekhan 2015:** L.I. Babenko, O.V. Shelekhan, *Kindzhali z segmentopodibnim perehrestyam u zibranni Kharkivs'kogo istorichnogo muzeiu.* Arkheologiya, 4, 68–82 // Л.И. Бабенко, О.В. Шелехань, *Кинджали з сегментоподібним перехрестям у зібранні Харківського історичного музею.* Археологія, 4, 68–82.
- Batchaev 1985:** V.M. Batchaev, *Drevnosti predskifskogo i skifskogo periodov.* In: *Arheologicheskie issledovaniya na novostroykakh Kabardino-Balkarii,* 2 (Nalchik 1985), 7–115 // В.М. Батчаев, *Древности предскифского и скифского периодов.* В сб.: *Археологические исследования на новостройках Кабардино-Балкарии,* 2 (Нальчик, 1985), 7–115.
- Berestnev, Boiko 2005:** S.I. Berestnev, Iu.N. Boiko, *Novye issledovaniia kurgannogo mogil'nika u s. Kup'evakha (Khar'kov 2005).* Preprint // С.И. Берестнев, Ю.Н. Бойко, *Новые исследования курганного могильника у с. Купьеваха (Харьков 2005).* Препринт.
- Bobrinskii 1904:** A.A. Bobrinskii *Otchet o raskopkakh v Chigirinskom uезде Kievskoy gubernii v 1903 godu.* IAK, 14, 1–43 // А.А. Бобринский, *Отчет о раскопках в Чигиринском уезде Киевской губернии в 1903 году.* IAK, 14, 1–43.
- Boiko, Berestnev 2001:** Yu.N. Boiko, S.I. Berestnev, *Pogrebeniia VII–III vv. do n.e. kurgannogo mogil'nika u s. Kup'evakha (Vorsklinskii region skifskogo vremeni) (Khar'kov 2001)* // Ю.Н. Бойко, С.И. Берестнев, *Погребения VII–III вв. до н.э. курганного могильника у с. Купьеваха (Ворсклинский регион скифского времени) (Харьков 2001).*
- Bokii 1974:** N.M. Bokii, *Skifskiy kurgan u sela Mederovo.* SA 4, 264 – 271 // Н.М. Бокий, *Скифский курган у села Медерово.* СА, 4, 264 – 271.
- Bruiaiko 2005:** I.V. Bruiaiko, *Rannie kochevniki v Evrope (X–V vv. do R.K.) (Kishinev 2005)* // И.В. Бруяко, *Ранние кочевники в Европе (X–V вв. до Р.К.) (Кишинев 2005).*
- Burkov, Maslov 2007:** S.B. Burkov, V.E. Maslov, *Voinskie pogrebeniia iz kurganov u stanitsy Assinovskoi.* In: *Severnyi Kavkaz i mir kochevnikov v rannem zheleznom veke (Moskva 2007),* 295–320 // С.Б. Бурков, В.Е. Маслов, *Воинские погребения из курганов у станицы Ассиновской.* В сб.: *Северный Кавказ и мир кочевников в раннем железном веке (Москва 2007),* 295–320.
- Gaidukevich 1959:** V.F. Gaidukevich, *Nekropoli nekotorykh Bosporskikh gorodov.* MIA 69, 178–180 // В.Ф. Гайдукевич, *Некрополи некоторых Боспорских городов.* МИА 69, 178–180.
- Grach 1999:** N.L. Grach, *Nekropol' Nimfeia (Sankt-Petersburg 1999)* // Н.Л. Грач *Некрополь Нимфея (Санкт-Петербург 1999).*
- Grechko 2012:** D.S. Grechko, *O vozmozhnykh "prosvetakh" v "temnoe" vremia (VI v. do n.e.) skifskoi istorii.* Stratum plus, 3, 75–106 // Д.С. Гречко, *О возможных «просветах» в «темное» время (VI в. до н.э.) скифской истории.* Stratum plus 3, 2012, 75–106.

- Grechko 2013:** D.S. Grechko, O pamiatnikakh kimmeriitsev i “ranneskifskoi” kul’ture. *Stratum plus* 3, 2013, 133–154 // Д.С. Гречко, О памятниках киммерийцев и «раннескифской» культуре. *Stratum plus*, 3, 133–154.
- Grechko 2016:** D.S. Grechko, Ot Arkhaicheskoi Skifii k Klassicheskoi. *Arkheologiya i davnja istorija Ukraini* 2, 33–60 // Д.С. Гречко, От Архаической Скифии к Классической. *Археология і давня історія України*, 2, 33–60.
- Grechko, Sherstiuk, Shcherban 2016:** D.S. Grechko, V.V. Sherstiuk, A.L. Shcherban, Gruntovii mogil’nik pochatku seredn’oskifs’kogo chasu v Posulli. In: (ed. O.B. Suprunenko) *Starozhitnosti Livoberezhnogo Podniprovia* (Kiev 2016), 117–124 // Д.С. Гречко, В.В. Шерстюк, А.Л. Щербань, Грунтовий могильник початку середньоскифського часу в Посуллі. В сб.: (отв. ред. О.Б. Супруненко) *Старожитності Лівобережного Подніпров’я* (Киев 2016), 117–124.
- Grigor’ev, Bashtovoi 1989:** V.P. Grigor’ev, A.N. Bashtovoi, Otchet o raskopkakh Levoberezhnogo otriada Cherkasskoi Lesostepnoi ekspeditsii v 1989 godu. *NA IA NANU. Inv. nr. 1989/134 (Cherkassy 1990)* // В.П. Григорьев, А.Н. Баштовой, Отчет о раскопках Левобережного отряда Черкасской Лесостепной экспедиции в 1989 году. *НА ИА НАНУ. Инв. ном. 1989/134 (Черкассы 1989)*.
- Dubovskaia 1997:** O.R. Dubovskaia, Ob etnokulturnoi atributsii “novocherkasskikh” pogrebenii Severnogo Prichernomor’ia. *Arkheologicheskii al’manakh* 6, 181–217 // О.Р. Дубовская, Об этнокультурной атрибуции «новочеркасских» погребений Северного Причерноморья. *Археологический альманах* 6, 181–217.
- Zavoikin 2010:** A.A. Zavoikin, Arkhaicheskii, klassicheskii i ellinisticheskii periody (VI–II vv. do n.e.). In: (ed. G.M. Bongard-Levin, V.D. Kuznetsov) *Antichnoe nasledie Kubani 2* (Moskva 2010), 12–79 // А.А. Завойкин, Архаический, классический и эллинистический периоды (VI–II вв. до н.э.). В сб.: (отв. ред. Г.М. Бонгард-Левин, В.Д. Кузнецов) *Античное наследие Кубани 2* (Москва 2010), 12–79.
- Il’inskaia 1968:** V.A. Il’inskaia, Skify Dneprovskogo Lesostepnogo Levoberezh’ia (Kiev 1968) // В.А. Ильинская, Скифы Днепровского Лесостепного Левобережья (Киев, 1968).
- Il’inskaia, Terenozhkin 1983:** V.A. Il’inskaia, A.I. Terenozhkin, Skifia VII–IV vv. do n.e. (Kiev 1983) // В.А. Ильинская, А.И. Тереножкин, Скифия VII–IV вв. до н.э. (Киев 1983).
- Itina, Iablonskii 1997:** M.A. Itina, L.T. Iablonskii, Saki Nizhnei Syrdari (po materialam mogil’nika Yuzhnyi Tagisken) (Moskva 1997) // М.А. Итина, Л.Т. Яблонский, Саки Нижней Сырдарьи (по материалам могильника Южный Тагискен) (Москва 1997).
- Kadyrbaev, Kurmankulov 1976:** M.K. Kadyrbaev, Zh.K. Kurmankulov, Zakhroneniia voinov savromatskogo vremeni na levoberezh’e r. Ilek. In: *Proshloe Kazakhstana po arkheologicheskim istochnikam* (Alma-Ata 1976), 137–156 // М.К. Кадырбаев, Ж.К. Курманкулов, Захоронения воинов савроматского времени на левобережье р. Илек. В сб.: *Прошлое Казахстана по археологическим источникам* (Алма-Ата 1976), 137–156.
- Kerefov, Karmov 2009:** B.M. Kerefov, T.M. Karmov, Nartan 2. Kurgannyi mogil’nik skifskogo vremeni (Nal’chik 2009) // Б.М. Керевов, Т.М. Кармов, Нартан 2. Курганный могильник скифского времени (Нальчик. 2009).
- Kovaleva, Mukhopad 1982:** I.F. Kovaleva, S.E. Mukhopad, Skifskoe pogrebenie kontsa VI – V vv. do n.e. u s. Aleksandrovka. In: (ed. A.I. Terenozhkin). *Drevnosti stepnoi Skifii* (Kiev 1982), 91–102 // И.Ф. Ковалева, С.Е. Мухопад, Скифское погребение конца VI – V вв. до н.э. у с. Александровка. В сб.: (отв. ред. А.И. Тереножкин) *Древности степной Скифии* (Киев 1982), 91–102.
- Kovpanenko 1970:** G.T. Kovpanenko, Kurgani poblizu s. Machukhi na Poltavshini (za materialami M.Ia. Rudinskogo). *Arkheologiya XXIV*, 146–169 // Г.Т. Ковпаненко, Курганы поблизу с. Мачухи на Полтавщині (за матеріалами М.Я. Рудинського). *Археологія*, XXIV, 146–169.
- Koltukhov 1999:** S.G. Koltukhov, “Zolotoi” Simferopol’skii kurgan. *KhS*, 10, 7–20 // С.Г. Колтухов, «Золотой» Симферопольский курган. *ХС* 10, 1999, 7–20.
- Koltukhov 2012:** S.G. Koltukhov, Skify Severo-Zapadnogo Kryma v VII–IV vv. do n.e. (pogrebal’nye pamiatniki). *Arkheologicheskii al’manakh* 27 (Donetsk 2012) // С.Г. Колтухов, Скифы Северо-Западного Крыма в VII–IV вв. до н.э. (погребальные памятники). *Археологический альманах* 27 (Донецк 2012), 268 с.
- Koltukhov 2012a:** S.G. Koltukhov, Skify Krymskogo Prisivash’ia v VII–IV vv. do n.e. Pogrebal’nye pamiatniki. *Landshaftno-istoricheskoe raionirovanie arkheologicheskikh pamiatnikov Kryma. Materialy k arkheologicheskoi karte Kryma 10* (Simferopol’ 2012) // С.Г. Колтухов, Скифы Крымского Присивашья в VII–IV вв. до н.э. Погребальные памятники. *Ландшафтно-историческое районирование археологических памятников Крыма. Материалы к археологической карте Крыма 10* (Симферополь 2012).
- Kopylov 2002:** V.P. Kopylov, Nizhnii Don i Bospor Kimmeriyskii v tret’ei chetverti VII – pervoi polovine III v. do n.e. *IV Donskie arkheologicheskie chteniia* (Rostov-na-Donu 2002), 15–18 // В.П. Копылов, Нижний Дон и Боспор Киммерийский в третьей четверти VII – первой половине III в. до н.э. *IV Донские археологические чтения* (Ростов-на-Дону 2002), 15–18.

- Korol'kova 2006:** E.F. Korol'kova *Zverinyi stil' Evrazii. Iskustvo plemen Nizhnego Povolzh'ia i Iuzhnogo Priural'ia v skifskuiu epokhu (VII–IV vv. do n.e.). Problemy stilia i etnokul'turnoi prinaldzhnosti* (Moskva 2006) // Е.Ф. Королькова, Звериный стиль Евразии. Искусство племён Нижнего Поволжья и Южного Приуралья в скифскую эпоху (VII–IV вв. до н.э.). Проблемы стиля и этнокультурной принадлежности (Москва 2006).
- Koshelenko, Malyshev, Ulitin 2010:** G.A. Koshelenko, A.A. Malyshev, V.V. Ulitin, *Torgovlia*. In: (ed. G.M. Bongard-Levin, V.D. Kuznetsov) *Antichnoe nasledie Kubani 2* (Moskva 2010) // Г.А. Кошеленко, А.А. Малышев, В.В. Улитин, Торговля. В сб.: (отв. ред. Г.М. Бонгард-Левин, В.Д. Кузнецов) *Античное наследие Кубани* (Москва 2010), 2.
- Kubarev, Shul'ga 2007:** V.D. Kubarev, P.I. Shul'ga, *Pazyrykskaia kul'tura (kurgany Chui i Ursula)* (Barnaul 2007) // В.Д. Кубарев, П.И. Шульга, *Пазырыкская культура (курганы Чуи и Урсула)* (Барнаул 2007).
- Kuklina 1985: I.V. Kuklina, *Etnogeografia Skifii po antichnym istochnikam* (Leningrad 1985) // И.В. Куклина, *Этногеография Скифии по античным источникам* (Ленинград 1985).
- Kulatova, Lugovaia, Suprunenko 1993:** I.N. Kulatova, L.N. Lugovaia, A.B. Suprunenko, *Kurgany skifskogo vremeni mezhdurech'ia Vorskly i Psla (Poltava–Moskva 1993)* // И.Н. Кулатова, Л.Н. Луговая, А.Б. Супруненко, *Курганы скифского времени междуречья Ворсклы и Псла* (Полтава–Москва 1993).
- Lipavskii, Snytko 1990:** S.A. Lipavskii, I.A. Snytko, *Kurgany ranneantichnogo vremeni v urochische Chertovatoe i nekotorye problemy naseleniia ol'viiskoi khory. Materialy po arkheologii Olvii i ee okrugy* (Kiev 1990). Preprint, 1–7 // С.А. Липавский, И.А. Снытко. *Курганы раннеантичного времени в урочище Чертоватое и некоторые проблемы населения ольвийской хоры. Материалы по археологии Ольвии и ее округа* (Киев 1990). Препринт, 1–7.
- Lapushnian 1979:** V.L. Lapushnian, *Rannie frakiitsy X – nachala IV vv. do n.e. lesostepnoi Moldavii* (Kishinev 1979) // В.Л. Лапушнян, *Ранние фракийцы X – начала IV в. до н.э. лесостепной Молдавии* (Кишинев 1979).
- Maksimenko 1983:** V.E. Maksimenko, *Savromaty i sarmaty na Nizhnem Donu* (Rostov-na-Donu 1983) // В.Е. Максименко, *Савроматы и сарматы на Нижнем Дону* (Ростов-на-Дону 1983).
- Makhortykh, Ievlev 2001:** S.V. Makhortykh, S.M. Ievlev, *Skifskie mechi i kinzhaly iz sobraniia Natsional'nogo muzeia istorii Ukrainy*. In: *Drevnosti Severskogo Donsa* (Lugansk 2001), 100–107 // С.В. Махортых, С.М. Иевлев, *Скифские мечи и кинжалы из собрания Национального музея истории Украины*. В сб.: *Древности Северского Донца* (Луганск 2001), 100–107.
- Meliukova 1964:** A.I. Meliukova, *Vooruzhenie skifov. SAI D 1–4* (Moskva 1964) // А.И. Мелюкова, *Вооружение скифов. САИ, Д 1–4*. (Москва 1964).
- Mogilov 2008:** O.D. Mogilov *Sporjadzhennya konya skifskoi dobi u lisostepu Shidnoi Evropy* (Kiyiv-Kam'yanets-Podilskiy 2008) // О.Д. Могилев *Спорядження коня скифської доби у лісостепу Східної Європи* (Київ-Кам'янець-Подільський 2008).
- Mozolevskiy 1990:** B.M. Mozolevskiy, *Kurgani vischoyi skifskoyi znati i problema politichnogo ustroyu Skifiyi*. *Arheologiya*, 1, 122–139 // Б.М. Мозольевський, *Кургани вищої скифської знаті і проблема політичного устрою Скіфії*. *Археологія*, 1, 122–139.
- Murzin 1984:** V.Iu. Murzin, *Skifskaia arhaika Severnogo Prichernomor'ia* (Kiev 1984) // В.Ю. Мурзин, *Скифская архаика Северного Причерноморья* (Киев 1984).
- Ol'govskii 2005:** S.Ia. Ol'govskii, *Skifo-antichnaia metalloobrabotka arkhaiskogo vremeni* (Kiev 2005) // С.Я. Ольговский, *Скифо-античная металлообработка архаического времени* (Киев 2005).
- Ol'khovskii 1991:** V.S. Ol'khovskii, *Pogrebavno-pominalnaya obryadnost' naseleniia stepnoi Skifii* (VII–III vv. do n.e.) (Moskva 1991) // В.С. Ольховский, *Погребально-поминальная обрядность населения степной Скифии* (VII–III вв. до н.э.) (Москва 1991).
- Ochir-Goriaeva 2012:** M.A. Ochir-Goryaeva, *Drevnie vsadniki stepei Evrazii* (Moskva 2012) // Очир-Горяева М.А. *Древние всадники степей Евразии* (Москва 2012).
- Pletneva 1982:** S.A. Pletneva *Kochevniki srednevekov'ia* (Moskva 1982) // С.А. Плетнева, *Кочевники средневековья* (Москва 1982).
- Polidovich 2008:** Iu.B. Polidovich, *Ob odnoi izobrazitelnoi traditsii v iskusstve narodov skifskogo mira. Nomady kazahskikh stepei: etnosotsiokul'turnye protsessy i kontakty v Evrazii skifo-sakskoi epokhi* (Astana 2008), 39–59 // Ю.Б. Полидович, *Об одной изобразительной традиции в искусстве народов скифского мира. Номады казахских степей: этносоциокультурные процессы и контакты в Евразии скифо-сакской эпохи* (Астана 2008), 39–59.
- Polidovich 2014:** Iu.B. Polidovich, *Struktura i simbolika dekora nozhen mechei ranneskifskogo vremeni. Voyna i voennoe delo v skifo-sarmatskom mire. Materialy mezhdunarodnoi nauchnoi konferentsii pamiati A.I. Meliukovoi*

(s. Kagal'nik, 26-29 aprelia 2014 g.) (Rostov-na-Donu 2014), 290–309 // Ю.Б. Полидович, Структура и символика декора ножен мечей раннескифского времени. Война и военное дело в скифо-сарматском мире. Материалы международной научной конференции памяти А. И. Мелюковой (с. Кагальник, 26-29 апреля 2014 г.) (Ростов-на-Дону 2014), 290-309.

Polin 1987: S.V. Polin, Khronologiiia rann'oskifskikh pam'iatok. Arkheologiiia 59, 17–36 // С.В. Полин, Хронология ранньоскифських пам'яток. Археологія, 59, 17–36.

Polin 1992: S.V. Polin, Ot Skifii k Sarmatii (Kiev 1992) // С.В. Полин, От Скифии к Сарматии (Киев 1992).

Polin 2014: S.V. Polin, Skifskii Zolotobalkovskii kurgannyi mogil'nik V–IV vv. do n.e. na Khersonshchine (Kiev 2014) // С.В. Полин, Скифский Золотобалковский курганный могильник V–IV вв. до н.э. на Херсонщине (Киев 2014).

Polin, Koltukhov 2014: S.V. Polin, S.G. Koltukhov, Skifskoe pogrebenie u s. Nadezhda v Krymu. Voina i voennoe delo v skifo-sarmatskom mire. Materialy mezhdunarodnoi nauchnoi konferentsii pamiati A.I. Meliukovoi (s. Kagal'nik, 26-29 aprelia 2014 g.) (Rostov-na-Donu 2014), 310–329 // С.В. Полин, С.Г. Колтухов, Скифское погребение у с. Надежда в Крыму. Война и военное дело в скифо-сарматском мире. Материалы международной научной конференции памяти А.И. Мелюковой (с. Кагальник, 26-29 апреля 2014 г.) (Ростов-на-Дону 2014), 310–329.

Prokof'ev 2014: R.V. Prokof'ev, Raskopki u hutora Dugino v del'te Dona v 2009 godu (Rostov-na-Donu 2014) // Р.В. Прокофьев, Раскопки у хутора Дугино в дельте Дона в 2009 году (Ростов-на-Дону 2014).

Prokopenko 2014: Iu.A. Prokopenko, Skify, sarmaty i plemena kobanskoj kultury v Tsentral'nom Predkavkaz'e vo vtoroi polovine I tys. do n.e. (Stavropol' 2014) // Ю.А. Прокопенко Скифы, сарматы и племена кобанской культуры в Центральном Предкавказье во второй половине I тыс. до н.э. (Ставрополь 2014).

Rostovtsev 1925: M.I. Rostovtsev, Skifii i Bospor. Kriticheskoe obozrenie pamiatnikov literaturnykh i arkheologicheskikh (Leningrad 1925) // М.И. Ростовцев. Скифия и Боспор. Критическое обозрение памятников литературных и археологических (Ленинград 1925).

Riabkova 2003: T.V. Riabkova, Ranneskifskie pamyatniki Nizhnego Podon'ia i Prikuban'ia. Avtoref. diss. ... kand. ist. nauk (Sankt-Petersburg 2003) // Т.В. Рябкова, Раннескифские памятники Нижнего Подонья и Прикубанья. Автореф. дисс. ... канд. ист. наук. (Санкт-Петербург 2003).

Riabkova 2010: T.V. Riabkova, Cheshuichatye pantsiri ranneskifskogo vremeni. ASGE, 38, 87–107 // Т.В. Рябкова, Чешуйчатые панцири раннескифского времени. АСГЭ, 38, 87–107.

Skoryi 2003: S.A. Skoryi, Skify v Dneprovskoy Pravoberezhnoy Lesostepi (problema vyideleniya iranskogo etnokulturnogo elementa) (Kiev 2003) // С.А. Скорый, Скифы в Днепроградской Правобережной Лесостепи (проблема выделения иранского этнокультурного элемента) (Киев 2003).

Skudnova 1988: V.M. Skudnova, Arkhaicheskii nekropol' Ol'vii (Leningrad 1988) // В.М. Скуднова, Архаический некрополь Ольвии (Ленинград 1988).

Staviskii 1971: B.Ia. Staviskii, Sredniaia Aziya i Akhemenidskii Iran. In: Istoriia iranskogo gosudarstva i kul'tury (Moskva 1971), 155–163 // Б.Я. Ставиский, Средняя Азия и Ахеменидский Иран. В сб.: История иранского государства и культуры (Москва 1971), 155–163.

Subbotin et al. 1992: L.V. Subbotin, A.S. Ostroverkhov, S.B. Okhotnikov, E.F. Redina, Skifskie drevnosti Dnestro-Dunaiskogo mezhdurech'ia (Odessa 1992). Preprint // Л.В. Субботин, А.С. Островерхов, С.Б. Охотников, Е.Ф. Редина, Скифские древности Днестро-Дунайского междуречья (Одесса 1992). Препринт.

Shramko, Zadnikov 2014: Shramko I.B., Zadnikov S.A. Doslidzhennia Bil's'kogo gorodishcha u 2013 r. In: (ed. O.B. Suprunenko) Arkheologichni doslidzhennia Bil's'kogo gorodishcha-2013 (Kiiv-Kotelva 2014), 5–44 // I.B. Шрамко, С.А. Задников, Дослідження Більського городища у 2013 р. В сб: (отв. ред. О.Б. Супруненко) Археологічні дослідження Більського городища-2013 (Київ-Котельва 2014), 5–44.

Shramko 2016: I.B. Shramko, Kolchannyi nabor iz pogrebeniia kontsa VI v. do n.e. mogil'nika Skorobor. Arkheologiya i davnia istoriia Ukraini 2, 270–279 // И.Б. Шрамко, Колчаный набор из погребения конца VI в. до н.э. могильника Скоробор. Археологія і давня історія України, 2, 270–279.

Shul'ga, Umanskii, Mogil'nikov 2009: P.I. Shul'ga, A.P. Umanskiy, V.A. Mogilnikov, Novotroitskii nekropol' (Barnaul 2009) // П.И. Шульга, А.П. Уманский, В.А. Могильников, Новотроицкий некрополь (Барнаул 2009).

Shul'ga 2010: P.I. Shul'ga, Sin'tszian v VIII–III vv. do n.e. (pogrebalnye kompleksey. Hronologiya i periodizatsiya) (Barnaul 2010) // П.И. Шульга Синьцзян в VIII–III вв. до н.э. (погребальные комплексы. Хронология и периодизация) (Барнаул 2010).

Tairov 2006: A.D. Tairov, Saki Priaral'ia v stepiakh Iuzhnogo Zaural'ia (po materialam mogil'nika Marovy Shl-iakh). In: Iuzhnyi Ural i sopredel'nye territorii v skifo-sarmatskoe vremia (Ufa 2006), 76–91 // А.Д. Таиров, Саки

Приаралья в степях Южного Зауралья (по материалам могильника Маровый Шлях). В сб.: Южный Урал и сопредельные территории в скифо-сарматское время (Уфа 2006), 76-91.

Tairov 2008: A.D. Tairov Ritmy stepnoi Evrazii: impul's VI v. do n.e. Nauka IuUrGU 1 (Cheliabinsk 2008), 160-164 // А.Д. Таиров, Ритмы степной Евразии: импульс VI в. до н. э. Наука ЮУрГУ 1 (Челябинск 2008), 160-164.

Tekhov 1980: B.V. Tekhov, Skify i material'naia kul'tura Tsentral'nogo Kavkaza v VII-VI vv. do n.e. (po materialam Tliyskogo mogilnika). In: (ed. A.I.Terenozhkin Skifiya i Kavkaz (Kiev 1980), 219-256 // Б.В. Техов, Скифы и материальная культура Центрального Кавказа в VII-VI вв. до н.э. (по материалам Тлийского могильника). В сб.: (отв. ред. А.И. Тереножкин) Скифия и Кавказ (Киев 1980), 219-256.

Tolstikov 2011: V.P. Tolstikov, K probleme "vzaimovlianiia" ellinskoi i varvarskikh kul'tur na Bospore v VI-V vv. do n.e. Bosporskii fenomen (SPb 2011), 54-58 // В.П. Толстиков, К проблеме «взаимовлияния» эллинской и варварских культур на Боспоре в VI-V вв. до н.э. Боспорский феномен (СПб 2011), 54-58.

Ul'skie kurgany 2015: Ul'skie kurgany. Kul'tovo-pogrebal'nyi kompleks skifskogo vremeni na Severnom Kavkaze. Corpus tumulorum scythicorum et sarmaticorum 2 (Moskva-Berlin-Bordo 2015) // Ульские курганы. Культново-погребальный комплекс скифского времени на Северном Кавказе. Corpus tumulorum scythicorum et sarmaticorum 2 (Москва-Берлин-Бордо 2015).

Umanskii, Shamshin, Shul'ga 2005: A.P. Umanskii, A.B. Shamshin, P.I. Shul'ga, Mogilnik skifskogo vremeni Rogozikha-1 na levoberezh'e Obi (Barnaul 2005) // А.П. Уманский, А.Б. Шамшин, П.И. Шульга, Могильник скифского времени Рогозиха-1 на левобережье Оби (Барнаул 2005).

Vinogradov, Marchenko 1991: Iu.A. Vinogradov, K.K. Marchenko, Severnoe Prichernomor'e v skifskuiu epokhu. Opyt periodizatsii istorii. SA 1, 145-155 // Ю.А. Виноградов, К.К. Марченко, Северное Причерноморье в скифскую эпоху. Опыт периодизации истории. СА 1, 145-155.

Vishnevskaiia 1973: O.A. Vishnevskaiia, Kul'tura saksikh plemen nizov'ev Syrdar'i v VII-V vv. do n.e. Po materialam Uigaraka. Tr. KhAEE VIII (Moskva 1973) // О.А. Вишневская, Культура сакских племён низовьев Сырдарьи в VII-V вв. до н.э. По материалам Уйгарака. /Труды ХАЭЭ VIII (Москва 1973).

Денис Гречко, канд. ист. наук, Институт археологии, Национальная Академия наук Украины, пр. Героев Сталинграда, 12, 04210, Киев, Украина, e-mail: ukrspadshina@ukr.net